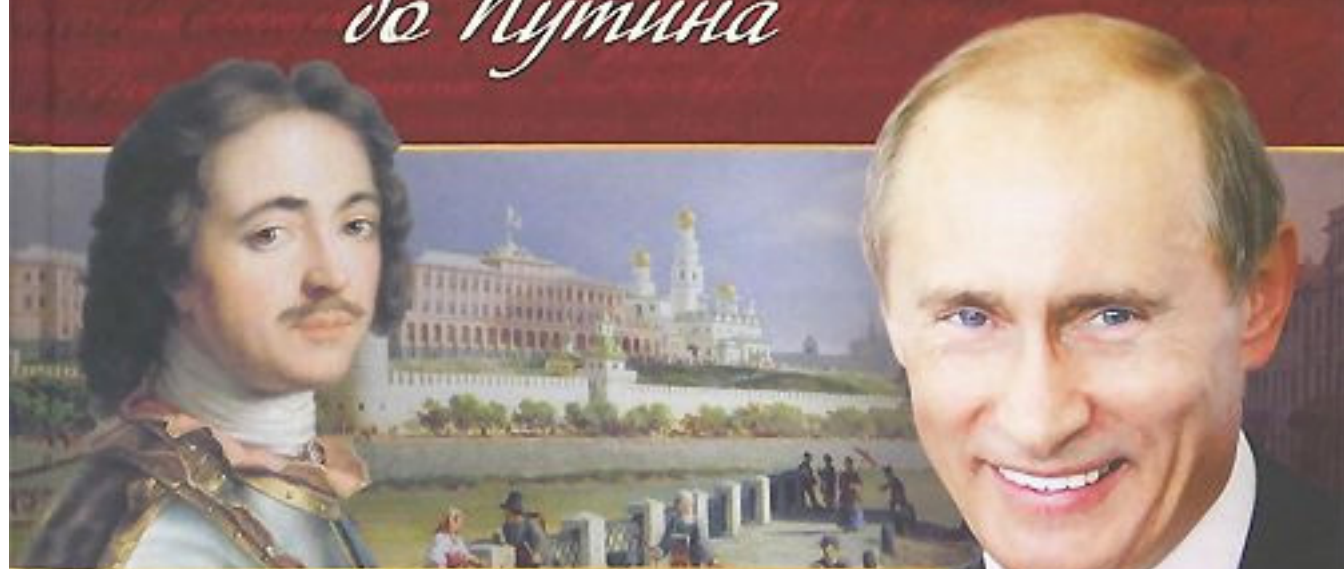

Евгений АНИСИМОВ

История России

*от Рюрика
до Путина*

*Люди
События
Даты*

 ПИТЕР®

4-е издание, дополненное

ЕВГЕНИЙ АНИСИМОВ

**История России от Рюрика до
Путина. Люди. События. Даты**

«Питер»

2013

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Анисимов Е. В.

История России от Рюрика до Путина. Люди. События. Даты /
Е. В. Анисимов — «Питер», 2013

ISBN 978-5-496-00068-0

Вы не найдете в этой книге сухих фактов и безликих исторических персонажей. И неудивительно – ведь она написана Е. В. Анисимовым, известным историком и писателем, лауреатом Анциферовской премии, автором более тридцати книг по истории России! Книга имеет весьма оригинальную структуру – наряду с последовательным, хронологическим изложением истории в ней выделены рубрики «Люди», «События», «Даты». Причем каждая страница книги посвящена определенному историческому событию, известной личности или знаменательной дате. Читать книгу можно практически с любого места. Скучать вам явно не придется! Перед вами предстанут живые люди в водовороте событий! 4-е издание, дополненное.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-496-00068-0

© Анисимов Е. В., 2013

© Питер, 2013

Содержание

Предисловие	6
Древняя Русь (IX–XIII вв.)	7
Киевская Русь (IX–XII вв.)	8
Первое появление славян в мировой истории	8
862 – Приглашение варяжских князей. Начало династии Рюриковичей	9
Рюрик и его братья	10
Возникновение Киевского княжества	11
882 – Объединение севера и юга Руси	11
Вещий Олег	12
Правление Игоря Старого	13
Княгиня Ольга	14
Княжение Святослава Игоревича	15
972 – Гибель князя Святослава	16
Первая усобица на Руси	17
980 – Захват власти Владимиром Святославичем	17
Правление на Руси Владимира	18
988 – Крещение князем Владимиром Руси	20
Владимир Красно Солнышко	21
1015 – Убийство князей Бориса и Глеба	22
Правление Ярослава Мудрого	23
Ярослав Мудрый и его недружные сыновья и внуки	25
1097 – Любечский съезд	27
Князь Олег Гориславич	28
Владимир Мономах на Киевском златостоле	28
1113 – Появление «Повести временных лет»	29
Владимир Мономах	30
Преемники Мономаха у власти. Начало распада Древней Руси	30
Усиление Владимиро-Суздальского и Галицко-Волынского княжеств	32
1147 – Первое упоминание Москвы	33
Судьба Гориславичей	34
Владими́ро-Сузда́льская Русь (1155–1238)	36
1155 – Основание Владимиро-Суздальского княжества	36
Князь Андрей Боголюбский	37
Правление во Владимире Всеволода Большое Гнездо	38
1216 – Сражение при Липице и его последствия	38
Возвышение и могущество Великого Новгорода	40
Новгородцы и их вече	41
1951 – Открытие новгородских берестяных грамот	42
Монголо-татарское нашествие на Русь	43
1237 – Гибель Северо-Восточной Руси	44
Крушение Киевского златостола	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Евгений Анисимов
История России от Рюрика до
Путина. Люди. События. Даты

© ООО Издательство «Питер», 2013

Предисловие

Что остается в нашей памяти от прошлого? Вспомним свою собственную жизнь: исторические события, которые от нас не зависят, но порой кардинально меняют нашу жизнь; даты, которые памяты всему человечеству или которые помним только мы и наши близкие, и, наконец, люди. Одни где-то высоко от нас, но они решают нашу судьбу, другие всегда рядом с нами, а сколько еще случайных встреч, порой роковых или символических. По большому счету, история состоит из историй отдельных людей, которые переплетаются в пеструю ткань истории города, народа, государства, мира. История заключается в непрерывном движении и вечной смене событий, дат, людей. Подобно волнам прибоя, события истории, рождаемые как морские волны в неведомой толще океана, идут непрерывной вереницей – одно за другим, одно за другим. Они набегают на берег, где стоим мы, беззащитные и слабые перед их силой, и думаем: «Только бы это не девятый вал, только бы не волна-убийца цунами, которая сметет нас с берега!» Войны, репрессии, реформы, правления добрых и злых правителей, эпидемии, урожайные и голодные годы, землетрясения, битвы, а потом снова войны, репрессии, реформы, правления, эпидемии – и так непрерывно, как волны, одна за другой.

Мне кажется, что выделение этих трех позиций – событий, дат и людей – поможет отойти от принятого в учебниках и пособиях скучного, однообразного и порой даже занудного линейного изложения российской истории. Это придаст рассказу об истории нашей страны от Рюрика до Путина то естественное разнообразие, которое всегда присутствует в нашей жизни и которое позволит перенести внимание с крупного, судьбоносного события, явления, процесса на интересную, важную дату, на историческую личность или группу людей. Конечно, восприятие индивидуально, и кому-то из читателей могут показаться произвольными мои градации. Однако я исходил из своих многолетних исследований и размышлений над историей нашей страны и из того, что в изучении истории порой нужно «перебегать от телескопа к микроскопу» – видеть звездное небо и ничтожный по размеру микроб. Я старался писать просто, но не примитивно, стремился охватить важнейшие события и даты, но не превратить при этом историю в каталог или хронологическую таблицу. Я считаю, что людям всегда интересны люди, и поэтому ни один период не обходится без новеллы о конкретном человеке. Но и здесь я не хотел создать подобие биографического словаря – их и так издается много. Под рубрикой «Люди» я стремился показать человека на переломе его жизни, в самые важные моменты истории или оценить его роль в грандиозных событиях его эпохи. И старался не забывать (насколько позволяло определенное не мною пространство книги) об интересных фактах, мелочах (в которых, как известно, кроется дьявол), по возможности старался коснуться спорных вопросов, слухов и сплетен, которые всегда, как шлейф, тянутся за событиями, датами и людьми. В конце книги я поместил довольно подробную хронологическую таблицу, которая поможет читателю восполнить что-то пропущенное мной, связать ниточку разорвавшихся событий, найти какой-то факт, имя или дату. И тогда, стоя на берегу океана времени, мы сможем иногда, не глядя на приближающиеся волны, не считая их, поднять глаза и спокойно обозреть, как писал Пушкин, «грядущего волнуемое море», утешаясь мыслью, что не мы первые и не мы последние стоим на этом берегу...

Е. Анисимов

Санкт-Петербург, 2006

Древняя Русь (IX–XIII вв.)

Киевская Русь (IX–XII вв.)

Первое появление славян в мировой истории

В «Повести временных лет» – основном нашем источнике по начальной истории Руси – рассказано продолжение знаменитой библейской истории о Вавилонской башне, когда единый человеческий род рассеялся по всей земле. В «Повести» сказано, в частности, что племя Иоафета, включавшее в себя 72 народа, двинулось на запад и на север. От этого племени и произошли «так называемые норрики, которые и есть славяне». «Спустя много времени, – продолжает летописец, – сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели. Так, одни, придя, сели на реке Морава и прозвались моравы, а другие назвались чехи... Когда... славяне эти пришли и сели на Висле и прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, другие ляхи – лутичи, иные – мазовшане, иные – поморяне». А вот что сообщает летопись о племенах, составивших впоследствии русский народ: «...славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие древлянами, потому что сели в лесах, а другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами по речке, впадающей в Двину, именуемой Полота... Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, назывались своим именем – славяне и построили город, и назвали его Новгород. А другие сели на Десне, и по Сейму, и по Суле и назвались северянами. И так разошелся славянский народ, а по его имени и грамота назвалась славянской».

Легендарная история изучается не одно столетие, и о происхождении славян в науке нет единого мнения. Многие историки думают, что славяне начали движение по земле не с берегов Тигра и Евфрата, а с побережья Балтийского моря, откуда их начали вытеснять воинственные племена германцев. Славяне двинулись в Восточную Европу, постепенно осваивая ее пространства к востоку и к югу, пока не столкнулись на Дунае с византийцами, которым они и стали известны под своим именем – «славяне». Это произошло не ранее VI в. Встретив сопротивление на Дунае, часть славянских племен осела на границах Византии, а часть сдвинулась к

северо-западу и северо-востоку. Так произошел распад единой массы славян на южных, западных и восточных. Неудивительно, что отзвуки этого распада слышны и в «Повести временных лет».

Археологи, изучив сохранившиеся в земле свидетельства жизни славян той эпохи, пришли к выводу, что на огромной равнине от современной Праги до берегов Днепра и от среднего течения Одера до Нижнего Дуная в VI–VII вв. н. э. существовала единая славянская культура, которую условно называли «пражской». Это видно по характерным для славян типам жилища, домашней утвари, украшениям женщин, по видам захоронений. Все эти дошедшие до нас следы свидетельствуют о единстве материальной, духовной культуры, а также общности языка и самосознания славян на огромном пространстве. Здесь и однотипные небольшие, неукрепленные поселки, состоящие из деревянных полуземлянок с печью в углу (а не в центре, как у германцев). Тут находили остатки лепной грубой посуды. По форме этой керамики славяне отчетливо принадлежат к племенам «горшочников», в отличие от германцев – «мисочников». Горшок всегда оставался главным «орудием» славянской, а потом и русской хозяйки. В праславянском языке слово «миса» – германского происхождения, тогда как «горшок» – исконно славянское слово. Единство заметно и в женских украшениях, мода на которые была общей для славянских женщин на всем пространстве распространения «пражской культуры». Единным был и похоронный обряд: покойника сжигали и обязательно над его прахом насыпали курган.

У разных славянских племен, образовавших впоследствии русский народ, был свой путь в истории. Установлено, что поляне, северяне и древляне пришли на Среднее Поднепровье, Припять, Десну с берегов Дуная; вятичи, радимичи и дреговичи двинулись на восток к местам своих расселений из земли «ляхов», т. е. из района Польши и Белоруссии (там до сих пор есть названия рек Вяча, Вятка, Ветка). Полочане и новгородские словене шли с юго-запада через Белоруссию и Литву. У славян на северо-востоке складываются устойчивые, повторяющиеся типы захоронений, точнее, два основных – так называемая «культура длинных курганов» и «культура новгородских сопок». «Длинные курганы» – вид захоронений псковских, смоленских и полоцких кривичей. Когда умирал человек, над ним насыпали курган, который примыкал к уже существовавшему старому погребальному кургану. Так из слившихся курганов возникала насыпь, порой достигавшая в длину сотен метров. Новгородские словене хоронили своих покойников иначе: их курганы росли не в длину, а вверх. Прах очередного покойника хоронили на вершущке старого кургана и насыпали над новым захоронением землю. Так курган вырастал в высокую, 10-метровую сопку. Все это происходило не ранее VI в. и продолжалось до X в., когда у славян возникла государственность.

Часть переселенцев (кривичи) осела на Восточно-Европейской возвышенности, откуда вытекают Днепр, Москва-река, Ока, Великая, а также Ловать. Переселение это совершилось не раньше VII в. Первые славянские поселенцы в районе будущей Москвы появились с запада не ранее IX в. Археологи находят в местах расселения славян лепную грубую керамику и следы низких, углубленных в землю деревянных домов. Обычно пришедшее славянское племя устраивало большое поселение, от которого по окрестностям «отпочковывались» небольшие поселки. У главного племенного поселения возвышался курганный могильник, а также городище-убежище на холме, в излучине реки или у впадения одной реки в другую. В этом городище могло быть и капище славянских богов. По мере освоения новых земель славяне потеснили, подчинили себе или ассимилировали жившие здесь балтские и угро-финские племена, бывшие, как и славяне, язычниками.

862 – Приглашение варяжских князей. Начало династии Рюриковичей

О том, где и когда возникло древнерусское государство, идут споры и до сих пор. Согласно преданию, в середине IX в. в земле ильменских словен и угро-финских племен (чудь, меря и др.) начались междоусобицы, «встал род на род». Устав от распрей, местные вожди в 862 г. решили пригласить к себе правителей – конунгов из Скандинавии Рёрика (Рюрика) и его братьев: Синеуса и Трувора. Как сказано в летописи, вожди обратились к братьям со словами: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Придите княжить и владеть нами». В таком приглашении для местных племен не было ничего обидного или унижительного – многие народы тогда, да и позже, звали на свой престол знатных чужеземцев, не связанных с местной племенной знатю и не знающих традиций клановой борьбы. Люди надеялись, что такой князь встанет над враждующими местными вождями и тем самым обеспечит мир и покой в стране. С варягами был заключен договор – «ряд». Передача им верховной власти («владение») сопровождалась условием судить «по праву», т. е. по местным обычаям. «Ряд» оговаривал также условия содержания и обеспечения князя и его дружины.

Рюрик и его братья

Конунг Рюрик и его братья (или более дальние родственники) согласились на условия славянских вождей, и вскоре Рюрик прибыл в Ладогу – первый известный город на Руси, и «сел» в ней «владеть». Синеус устроился на севере, в Белоозере, а Трувор – на западе, в Изборске, где до сих пор сохранился холм – «Труворово городище». После смерти младших братьев Рюрик стал «владеть» всеми землями один. Принято считать, что Рюрик (Рёрик) был мелким датским конунгом (князем) с берегов Северного моря, одним из многих викингов-завоевателей, которые на своих стремительных кораблях – дракарах совершали набеги на страны Европы. Целью их была добыча, но при случае викинги могли захватить и власть – так произошло в Англии, Нормандии. Славяне, торговавшие с викингами (варягами), знали, что Рюрик – опытный воин, но не очень богатый владетель и что его землям постоянно угрожают сильные скандинавские соседи. Неудивительно, что он охотно откликнулся на заманчивое предложение послов. Обосновавшись в Ладоге (ныне Старая Ладога), Рюрик затем поднялся по Волхову к озеру Ильмень и заложил новый город – Новгород, завладев всеми окрестными землями. Вместе с Рюриком и варягами к славянам пришло слово «русь», первое значение которого – воин-гребец на скандинавской ладье. Потом так стали называть дружинников-варягов, служивших у конунгов-князей. Затем имя варяжской «руси» было перенесено сначала на Нижнее Подне-

провье (Киев, Чернигов, Переяславль), где обосновались варяги. Еще долго жители Новгорода, Смоленска или Ростова говорили, отправляясь в Киев: «Поиду на Русь». А затем, уже после того, как варяги «растворились» в славянском окружении, Русью стали называть восточных славян, их земли и созданное на них государство. Так, в договоре с греками в 945 г. владения потомков Рюрика были впервые названы «Русской землей».

Возникновение Киевского княжества

Славянское племя полян жило на Днепре в IX в. Их столицей был небольшой город Киев, получивший (по одной из версий) имя предводителя местного племени Кия, который правил в нем с братьями Щеком и Хоривом. Киев стоял в очень удобном месте, на пересечении дорог. Здесь, на берегу полноводного Днепра, возник торг, где покупали или обменивали зерно, скот, оружие, рабов, украшения, ткани – обычные трофеи вернувшихся из набегов вождей и их дружин. В 864 г. два скандинава-варяга, Аскольд и Дир, захватили Киев и стали там править. Проходя по Днепру, они, согласно летописи, заметили небольшое поселение и спросили у местных жителей: «Чей это городок?» А им ответили: «Да ничей! Построили его три брата – Кий, Щек и Хорив, куда-то сгинули, а дань мы платим хазарам». Тогда варяги захватили «беспризорный» Киев и обосновались там. При этом они не подчинялись правившему на севере Рюрику. Что же произошло на самом деле? По-видимому, жившие в этих местах поляне были достаточно слабым племенем, осколком от некогда единого, пришедшего из Польши племени, известного из византийских источников как «лендзяне», т. е. «ляхи». Это племя, притесняемое могучим племенем кривичей, стало распадаться. В этот момент на Днепре и появились конунги Дир и Аскольд, подчинив себе полян и основав свое княжество. Из этой легенды о завоевании полян Диrom и Аскольдом видно, что Киев уже существовал как поселение. Его происхождение покрыто глубокой тайной, и никто не может точно сказать, когда же он возник. Одни историки считают, что это произошло в V в., другие убеждены, что Киев «младше» Ладоги, появившейся в VIII в. После отделения Украины от России эта проблема сразу же приобрела политическую окраску – российские власти хотели бы видеть столицу Руси не в Киеве, а в Ладоге или Новгороде. Употреблять прежде популярный в советское время термин «Киевская Русь» теперь уже немодно. Иначе считают в самом Киеве, повторяя известную по летописям формулу: «Киев – мати городов русских». На самом деле в середине IX в. ни Киев, ни Ладога, ни Новгород не были столицами древнерусского княжества, потому что само это княжество еще не сложилось.

882 – Объединение севера и юга Руси

После смерти Рюрика в 879 г. власть в Новгороде перешла не к его малолетнему сыну Игорю, а к родственнику Рюрика Олегу, который жил до этого в Ладоге. Впрочем, может быть, Игорь и не был сыном Рюрика. Родство Рюрика и Игоря могли придумать позднейшие летописцы, которые старались возвести династию к наиболее древнему прародителю и связать воедино всех первых правителей в одну династию Рюриковичей. Как бы то ни было, в 882 г. Олег с дружиной подошел к Киеву. Под видом варяга-купца, прибывшего на кораблях с верхнего течения реки, он предстал перед Аскольдом и Диром на берегу Днепра. Внезапно укрытые среди товаров воины Олега выскочили из причаливших к берегу судов и убили киевских владетелей. Киев, а потом и его близлежащие земли подчинились Олегу. Так в 882 г. земли восточных славян от Ладоги до Киева впервые оказались объединены под властью одного князя. Образовалось некое подобие варяжско-славянского государства – Древняя Русь. Оно было архаичным и аморфным, в нем отсутствовали многие черты современного государства. Первые властители защищали признанные «своими» земли от внешнего противника, они собирали с подвластных племен «урок» – дань, которая была скорее платой за безопасность подчинившихся племен варяжским князьям, чем налогом.

Вещий Олег

Князь Олег (скандинавский Хельг) во многом следовал политике Рюрика и присоединял к образовавшемуся государству все новые и новые земли. Олега можно назвать князем-градостроителем, ибо в присоединенных землях он, по словам летописца, сразу же «нача города ставить». Это были деревянные крепости, которые становились центрами отдельных земель и позволяли успешно отбиваться за их стенами от кочевников. Первыми «гостями», с кем столкнулся Олег, были тюрки из Хазарского каганата. Это были грозные соседи. Каганат – иудейское по вере государство – находился в Нижнем Поволжье и в Причерноморье. Византийцы, обеспокоенные набегами хазар на свои владения, подкупили Олега дарами, и он совершил внезапное и успешное нападение на хазарскую крепость Таматарху (Тмутаракань) на берегу Керченского пролива. Там Олег и оставался до тех пор, пока не заключил с хазарами мир и не двинулся на Византию. В этом и других случаях он действовал так, как поступали многие варяжские конунги, готовые встать на любую сторону, если им хорошо заплатят.

Знаменитым деянием Олега стал поход 907 г. на Царьград (Константинополь) – столицу Византии. Его многочисленный отряд, состоявший из варягов (в их числе был и конунг Игорь),

а также славян, на легких судах неожиданно появился у стен Царьграда. Не подготовленные к обороне греки, видя, как пришедшие с севера варвары грабят и жгут в окрестностях города церкви, убивают и берут в плен местных жителей, пошли на переговоры с Олегом. Вскоре император Лев VI заключил с русами соглашение, заплатил Олегу выкуп, а также пообещал бесплатно содержать русских послов и приходивших в Царьград с Руси купцов. Перед отъездом из-под Константинополя Олег в знак победы якобы повесил свой щит на ворота города. Дома, в Киеве, люди были поражены богатейшей добычей, с которой вернулся Олег, и дали князю прозвище Вещий, т. е. мудрый, кудесник.

Вообще-то кудесники, волхвы были языческими жрецами, очень влиятельными в среде своих соплеменников до принятия христианства. Они оспаривали власть над народом у пришлых князей. Возможно, этот конфликт отразился в известной всем со школьных лет легенде о смерти Вещего Олега «от коня своего», что ему будто бы предсказал волхв. Больше следует доверять сообщению, что беспокойный воин-конунг Олег погиб в одном из своих обычных завоевательных походов, на этот раз на Каспий, куда он отправился в 943 г. Олегу удалось завоевать богатый прикаспийский город Бердаа в устье Куры. Тут он и решил обосноваться окончательно, основав варяжское княжество. Известно, что подобным образом варяги действовали и в других землях. Но местные властители разбили малочисленную варяжскую дружину Олега, не получившую вовремя подмоги из Скандинавии. В этом сражении погиб и Олег. Поэтому во время очередного похода викингов на Византию в 944 г. мир с византийцами заключал уже пришедший на смену Олегу Игорь.

Правление Игоря Старого

Преемником Олега стал Игорь (Ингвар) по прозвищу Старый. Он с ранних лет жил в Киеве, который стал для него родным домом. О личности Игоря мы знаем мало. Это был, подобно Олегу-Хельгу, воин, суровый варяг. Он почти не слезал с коня, покоряя племена славян и облагая их данью. Как и Олег, Игорь совершал набеги на Византию. Первый его поход вместе с Олегом в 941 г. провалился. Греки сожгли русские суда так называемым «греческим огнем» – снарядами с горящей нефтью. Более удачным оказался второй поход в 944 г. На этот раз греки решили откупиться от скандинава дорогими тканями и золотом. Именно этого Игоря и добивался – он тотчас повернул домой. При Игоре из степи на смену хазарам пришли новые противники – печенеги. Их первое появление отмечено в 915 г. С тех пор опасность набегов кочевников с юга и востока постоянно усиливалась.

Русь была еще не сложившимся государством. Она протянулась с юга на север вдоль единственных коммуникаций – водных путей, и их-то как раз контролировали князья-варяги. Вообще летописи навязывают нам представление о Рюрике, Олеге, Игоре как о полновластных правителях из княжеской династии Рюриковичей. На самом же деле князья-варяги такими правителями не были. Конунги были лишь предводителями варяжских дружин и зачастую, отправляясь в походы, действовали в союзе с другими конунгами, а потом от них откалывались: либо уезжали в Скандинавию, либо устраивались – «садились» на завоеванных ими землях, как

произошло с Олегом в Киеве. Вся сила варяжских конунгов состояла в их могучих дружинах, постоянно пополняемых все новыми бойцами из Скандинавии. Только эта сила и объединяла удаленные друг от друга земли Русского государства от Ладоги до Киева.

При этом конунг-князь в Киеве разделял владения между родственниками и союзными конунгами для их «кормления». Так, Игорь-Ингвар отдал Новгород сыну Святославу, Вышгород – жене Ольге, а древлянские земли – конунгу Свенельду. Каждую зиму, как только замерзали реки и болота, конунги отправлялись в «полюдь» – они объезжали свои земли (совершали «кружение»), судили, разбирали споры, собирали «урок». Так поступали конунги и в Скандинавии во время подобных объездов. Как сообщает летописец, еще в XII в. во Пскове хранились сани, на которых княгиня Ольга ездила в полюдь; но, видно, в Пскове ее застала весна и сани пришлось там бросить. Они же наказывали «отложившиеся» за лето племена: отношения с местной славянской племенной элитой у варягов были долгое время непростыми, пока верхушка ее не начала сливаться со скандинавскими дружинниками. Принято считать, что процесс слияния славянской и варяжской верхушки произошел не ранее начала XI в., когда сменилось пять поколений властителей, уже родившихся на Руси. Точно такой же процесс ассимиляции происходил в других завоеванных викингами землях – во Франции (Нормандия), Ирландии.

Игорь погиб во время обычного по тем временам полюдья в 945 г., когда, собрав в земле древлян дань, он не удовлетворился ею и вернулся за добавкой. По другой версии, Древлянская земля была во власти конунга Свенельда. Когда он и его люди появились в Киеве в богатых нарядах, взятых у древлян, дружину Игоря охватила зависть. Игорь отправился в столицу древлян – город Искоростень, чтобы взять дань и для себя. Жители Искоростени возмутились этим беззаконием, схватили князя, привязали его за ноги к двум согнутым могучим деревьям и отпустили их. Так бесславно погиб Игорь.

Княгиня Ольга

Неожиданная гибель Игоря привела к тому, что его жена княгиня Ольга (Хельга, или Елга) взяла власть в Киеве в свои руки. Ей помогали (или делили с ней власть) конунги – сподвижники Игоря Асмуд и Свенельд. Сама Ольга была скандинавкой и до брака с Игорем жила во Пскове. После гибели Игоря она объехала свои владения и всюду установила четкие размеры «урока». При ней возникли административные центры округа – «погосты», где сосредоточивалась дань. В легендах Ольга прославилась своей мудростью, хитростью и энергией. Она была первой правительницей, понявшей значение христианства для своей страны. Об Ольге известно, что она первая из русских властителей принимала в Киеве иностранных послов, прибывших от германского императора Оттона I. Страшная гибель мужа в Искоростени повлекла за собой не менее ужасающую месть Ольги древлянам. Когда они направили к ней послов для переговоров (древляне хотели, согласно племенным обычаям, покончить распрю женитьбой своего князя на Ольге-вдове), княгиня приказала закопать их в землю живыми.

Через год Ольга хитроумным способом сожгла древлянскую столицу Искоростень. Она собрала с горожан легкую дань в виде живых голубей и воробьев, а потом приказала привязать к их лапкам тлеющие трупы. Выпущенные на волю птицы вернулись в город и подожгли его со всех сторон. Воинам княгини оставалось только брать в рабство спасавшихся от грандиозного пожара горожан. Летописец сообщает нам, как Ольга обманом расправилась с древлянскими послами, прибывшими в Киев с миром. Она предложила им перед началом переговоров помыться в бане. Пока послы наслаждались парилкой, воины Ольги завалили двери бани и погубили врагов в банном жаре.

Это не первое упоминание бани в русской летописи. В Никоновской летописи рассказывается о приходе святого апостола Андрея на Русь. Потом, вернувшись в Рим, он с удивлением рассказывал о странном действе в русской земле: «Видел бани деревянные, и натопят их сильно, и разденутся и будут наги, и обольются квасом кожевненным, и поднимут на себя прутья молодые и бьют себя сами, и до того себя добьют, что едва вылезут чуть живые, и обольются водою студеною, и только так оживут. И творят так постоянно, никем же не мучимые, но сами себя мучат, и то творят омовение себе, а не мучение». После этого сенсационная тема необыкновенной русской бани с березовым веником станет непрямым атрибутом множества путевых заметок иностранцев на многие века, со средневековых времен и до наших дней.

Ольга совершала и дальние путешествия. Она дважды побывала в Константинополе. Во второй раз, в 955 г., ее, как знатную язычницу, принимал император Константин VII Багрянородный. Ольга стремилась найти в лице императора Византии союзника, хотела заручиться поддержкой греков. Было ясно, что без принятия христианства сделать это непросто. Княгиня издавна была знакома с христианами в Киеве и разделяла их веру. Но окончательно она решилась, когда увидела святыни Царьграда, оценила могущество этого великого христианского города. Там Ольга крестилась и стала Еленой, причем просила самого императора Константина быть ее крестным отцом. Впрочем, по одной из версий, она поступила так, чтобы отбить у императора охоту ухаживать за красивой северянкой, – ведь крестный отец считался родственником.

Княжение Святослава Игоревича

В 957 г. сын Игоря и Ольги Святослав (Сфендислейф) достиг 16-летнего возраста, и мать, княгиня Ольга, уступила ему власть. Он правил Русью, как и его отец Игорь, с коня: почти непрерывно воевал, совершая со своей дружиной набеги на соседей, нередко весьма дальних. Сначала он воевал с Хазарией, подчинил (как сказано в летописи – «налез») платившее хазарам дань славянское племя вятичей, потом разбил волжских булгар, обложил их данью. Затем Святослав двинулся на уже ослабевший к тому времени Хазарский каганат и в 965 г. овладел его главным городом Саркелом. Через 3 года, дождавшись большой помощи из Скандинавии, Святослав вновь напал на хазар и окончательно разгромил каганат. Он подчинил себе также и Тмутаракань в Приазовье, которая стала одним из удаленных от Киева русских княжеств, что

породило известную присказку про «езду в Тмутаракань» как про поездку в дальнюю, глухую сторону.

Во второй половине 960-х гг. Святослав перебрался на Балканы. Его, как раньше отца и других скандинавских конунгов, греки использовали в качестве наемника для завоевания ослабевшей к этому времени славянской державы – Болгарии. После захвата части Болгарского царства в 968 г. Святослав, по примеру своего отца Игоря, обосновавшегося сначала в Тмутаракани, а потом на Тереке, решил остаться на Балканах, поселиться в Переяславце на Дунае и вести оттуда набеги, торговать товарами из Руси – мехами, медом, воском, рабами. Но возникшая вдруг угроза Киеву со стороны печенегов вынудила его на время уехать на Русь. Вскоре он вернулся на Балканы, снова взял у болгар так понравившийся ему Переяславец. На этот раз против зарвавшегося Святослава выступил византийский император Иоанн Цимисхий. Война шла долго с переменным успехом. К Святославу подходили все новые скандинавские отряды, они одерживали победы и расширяли свои владения, дойдя до Филиппополя (Пловдива). Любопытно, что в той завоевательной войне вдали от родины Святослав произнес перед боем ставшую позже крылатой фразу русского патриота: «Не посраим земли Русской, но ляжем костью, ибо мертвые сраму не имут». Но войска Святослава и других конунгов таяли в сражениях, и в конце концов, окруженный в 971 г. в Доростоле, Святослав согласился заключить мир с византийцами и уйти из Болгарии.

972 – Гибель князя Святослава

Походы Святослава современники князя сравнивали с прыжками барса: стремительными, бесшумными и разящими. По свидетельству тех же современников, Святослав был голубоглазым, пышноусым человеком среднего роста, он брил голову наголо, оставляя на макушке длинный клочок волос – оселедец (такой позже носили запорожцы). Со стороны отличить его от подобных ему воинов помогала только более чистая рубашка, которая была на князе. В ухе Святослава висела серьга с драгоценными камнями, хотя больше украшений князь-воин любил отличное оружие. Свой воинственный дух он проявил уже в детстве, когда дружина его отца Игоря пошла мстить древлянам за убийство князя. Легенда гласит, что маленький Святослав метнул в сторону врага копье и оно упало у ног его же коня. Плотный, крепкий, Святослав славился неутомимостью в походах, его войско не имело обоза, и князь с воинами обходился пищей кочевников – вяленным мясом. Всю свою жизнь он оставался язычником и многоженцем. Согласившись на мир с греками, Святослав решил вернуться в Киев. К тому времени уже не было его матери – Ольга умерла в 969 г. На прощание Святослав познакомился со своим главным противником – императором Иоанном Цимисхием. Он приплыл к нему на встречу в челне, без охраны, причем сам сидел на веслах. Благодаря этому визиту нам и известно от греков из свиты Иоанна, как выглядел Святослав.

Заключив мир, Святослав в 972 г. без радости отправился на ладьях вверх по Днепру, возвращаясь в Киев. Еще раньше он говорил матери и киевским боярам: «Не любо мне в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае – там середина земли моей». Завоеванные мечом на Дунае

земли он считал своим собственным, теперь уже потерянным владением. Воинов у него было немного – большая часть конунгов с дружинами на своих ладьях откололись от его войска и отправились грабить берега Испании. Опытный конунг Свенельд, плывший со Святославом, советовал ему обойти посуху опасные для плавания днепровские пороги, где могла его поджидать печенежская засада. Но Святослав не послушался совета и погиб в сражении с кочевниками у днепровского порога со зловещим названием Ненасытненский. Летопись повествует, что из черепа убитого русского князя печенежский князь Куря сделал украшенный золотом кубок для вина и пил из него в пиршественном застолье. В наше время там, где погиб Святослав, были найдены два меча середины X в. Возможно, такой меч был и у погибшего на днепровских порогах великого воина.

Первая усобица на Руси

Перед отъездом из Киева на Дунай Святослав распорядился о судьбе трех своих сыновей. Старшего, Ярополка, он оставил в Киеве; среднего, Олега, отправил княжить в землю древлян, а младшего, Владимира (Вольдемара), посадил в Новгороде. Итак, у власти в Киеве оказался Ярополк Святославич. Но вскоре между братьями началась усобица. В 977 г. Ярополк по совету Свенельда напал на Олега Древлянского, и в бою у города Овруч тот погиб – был сброшен с моста в ров и там задавлен своими падавшими сверху конными воинами. Младший же, малолетний брат Владимир, узнав о выступлении Ярополка против Олега и опасаясь за свою жизнь, бежал в Скандинавию.

Это было время еще тесных связей правивших Русью варяжских конунгов с родиной предков. В научной литературе XX в. стремились как можно раньше «ославянить» викингов, объединить их с местной славянской знатью. Этот процесс, конечно, шел, но значительно медленнее, чем того хотелось бы некоторым историкам. Еще долго русская элита была двуязычной – отсюда и двойные славянско-скандинавские имена: Олег – Хельг, Игорь – Ингвар, Святослав – Сфендислейф, Малуша – Малфред. Еще долго приходившие из Скандинавии варяги находили в Киеве пристанище перед своими набегами на Византию и другие южные страны. Не раз и не два русские князья, отказавшиеся от скандинавского названия «хакан», бежали на родину предков – в Скандинавию, где находили помощь и поддержку среди родичей и друзей.

980 – Захват власти Владимиром Святославичем

Недолго пробыл беглый Владимир в Скандинавии. С нанятой там варяжской дружиной в 980 г. он двинулся на Киев, послав вперед вестника, который передал Ярополку: «Владимир идет на тебя, готовься с ним биться!» Таков был тогдашний благородный обычай объявления войны. Предварительно Владимир хотел заполучить в союзники Полоцк, где правил тогда варяг Рогволод. Для этого Владимир решил породниться с ним, женившись на дочери Рогволода Рогнеде, которая, впрочем, считалась уже невестой князя Ярополка. Послам Владимира Рогнеда гордо отвечала, что за сына рабыни (Владимир действительно родился от рабыни княгини Ольги, ключницы Малуши) она никогда не пойдет. Мстя за это унижение, Владимир напал на Полоцк, убил Рогволода и двух его сыновей и взял Рогнеду в жены силой. Она стала одной из многих жен Владимира, имевшего большой гарем. Летописец утверждает, что в гареме Владимира было 800 женщин, при этом князь отличался безмерной блудливостью: хватал чужих жен и растлевал девиц. Но на Рогнеде он женился по политическим мотивам. Согласно легенде, впоследствии Рогнеда, оскорбленная многолетним невниманием к ней Владимира, хотела убить князя, но тот успел выхватить занесенный над ним нож.

Вскоре Владимир во главе могучей варяжской дружины легко захватил Киев. Ярополк же оказался неопытен в делах, став игрушкой в руках своих советников. Один из них, по имени Блуд, предательски насоветовал князю бежать из укрепленного Киева, а потом сдаться на милость победителя, что тот и сделал. Другой советник князя, по имени Варяжко, уговаривал его не верить Владимиру и бежать к печенегам. Но князь не прислушался к совету Варяжко, за что и поплатился: «И пришел Ярополк ко Владимиру, когда же входил в двери, два варяга подняли его мечами под пазухи», как отмечает летописец. А коварный Блуд в это время придерживал дверь, чтобы свита Ярополка не помешала братоубийству. С похода Ярополка на Олега Древлянского и Владимира на Ярополка начинается долгая история братоубийств на Руси, когда жажда власти и безмерное честолюбие заглушали зов родной крови и голос милосердия.

Правление на Руси Владимира

Итак, Владимир Святославич стал княжить в Киеве. Множество проблем навалилось на него. С большим трудом ему удалось уговорить пришедших с ним варягов не грабить Киев. Он постарался их выпроводить из Киева в набег на Византию, предварительно щедро наградив. За время усобицы некоторые славянские племена отпали от Руси, и Владимиру пришлось усми-

рять их «вооруженной рукой». Для этого он ходил походом на вятичей и радимичей. Потом нужно было «успокоить» соседей – Владимир начал поход против Волжской Булгарии, а в 981 г. повернул на запад и отвоевывал Волынь у польского короля Мешко I. Там он основал свой главный опорный пункт – город Владимир Волынский.

Войны с южными соседями – печенегами – стали тяжелым испытанием для Владимира. Эти дикие, жестокие кочевники вызывали всеобщий страх. Известна история о противостоянии киевлян и печенегов на реке Трубеж в 992 г., когда два дня Владимир не мог найти среди своего войска удалца, готового выйти на поединок с печенегом, – в те времена сражения обычно начинались поединком богатырей. Наконец честь русского оружия спас могучий кожемяка Никита, который без всяких борцовских приемов и ухищрений схватил противника – печенежского богатыря – и попросту задушил его своими огромными ручищами, привыкшими не мечом махать, а мять толстые воловь шкуры. На месте победы русского богатыря Владимир основал город Переяславль.

В возведении городов в стратегически важных местах князь видел самое надежное средство защиты Киева от внезапных и опасных набегов кочевников. Он якобы сказал: «Нехорошо, что мало городов около Киева», и стал быстро исправлять положение. При нем возвели крепости по Десне, Трубежу, Суле, Стугне и другим рекам. Первопоселенцев («насельников») для новых городов не хватало, и Владимир приглашал людей с севера Руси переехать к нему. Среди них было немало молодцов-смельчаков вроде легендарного Ильи Муромца, которым была интересна опасная, рискованная служба на границе. Знаменитая картина Васнецова «Три богатыря» не лишена исторической основы: так, утомившись от мирной жизни или нагулявшись до отвращения на пирах, богатыри отправлялись в степь – подышать вольным воздухом, «руку правую потешить», сразиться с половцами, а если подвернется случай – то и пограбить заезжих купцов.

Владимир, как и его бабка, княгиня Ольга, понимал необходимость реформ в делах веры. Вообще же легкость, с какой варяги взяли власть в землях славян, объясняется еще и сходством веры – и славяне, и варяги были язычниками-многобожниками. Они почитали духов воды, лесов, домовых, леших, были у них главные и второстепенные боги и богини. Один из самых главных славянских богов, повелитель грома и молний Перун, весьма походил на скандинавского верховного бога Тора, символ которого – бронзовый молоточек – археологи часто находят и в славянских погребениях. У изображения Перуна в виде идола-скульптуры была серебряная голова и золотые усы.

Поклонялись славяне также Сварогу – богу огня, хозяину Вселенной, приносящему удачу богу солнца Дажьбогу, а также богу земли Сварожичу. Весьма уважали они бога скота Велеса и богиню Мокошь. Она была единственным женским божеством в пантеоне славян и на нее смотрели как на мать сыру – землю. Два бога славян – Хорс и Симаргл – носили иранские имена. Имя первого близко слову «хороший» и означает «солнце», имя второго перекликается с именем волшебной птицы древних персов Симург. Скульптурные изображения богов ставили на холмах, священные капища обносили высокой оградой. Боги славян, как и всех других язычников, были очень суровы, даже свирепы. Они требовали от людей почитания и частых подношений. Наверх, к богам, дары поднимались в виде дыма от сжигаемых жертв: еды, убитых животных и даже людей.

Поначалу Владимир попытался объединить все языческие культы, сделать грозного Перуна главным богом, чтобы поклоняться только ему. Нововведение не прижилось, язычество приходило в упадок, наступала новая эпоха единобожия. Соприкоснувшись с миром христианства по всей Европе, от Британии до Византии и Сицилии, варяги крестились.

988 – Крещение князем Владимиром Руси

Великие мировые религии убеждали язычников, что вечная жизнь и даже вечное блаженство на небе есть и что они доступны, нужно лишь принять их веру. Вот тут-то и возникала проблема выбора. Согласно легенде, Владимир выслушивал разных священников, присланных соседями, и раздумывал: у каждого своя вера и своя правда! Хазары стали иудеями, скандинавы и поляки – христианами, подчиненными Риму, болгары же взяли себе византийскую (греческую) веру. Мусульманский рай с его гуриями нравился чувственному Владимиру, но он не желал обрезания, да и не мог отказаться от свинины и вина: «Руси есть веселие пити, не может быть без того!» Суровая вера евреев, которых бог Яхве за грехи разогнал по свету, также его не устраивала. «Как же вы иных учите, – вопрошал он раввина, – а сами отвергнуты Богом и рассеяны? Если бы Бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?» Римскую веру он тоже отверг, хотя причины неприятия ее Владимиром в летописи не объяснены. Может быть, Владимиру казался трудным обязательный для богослужения латинский язык. Греческая же вера была вроде известнее Владимиру. Связи с Византией были тесны, часть варягов, живших в Киеве, давно исповедовали христианство в византийской редакции – в Киеве для них даже построили церковь Святого Ильи. Глаза язычника радовала и особая красочность (под влиянием Востока) службы по греческому обряду. «Нет на земле, – говорил Владимир, – такого зрелища и красоты такой». Наконец, бояре шептали на ухо Владимиру: «Если бы был плох закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а была она мудрейшей из всех людей». Бабку же свою Владимир уважал. Словом, Владимир выбрал греческую (православную) веру, тем более что богослужение предполагалось вести не на греческом, а на славянском языке.

Но, выбрав веру, Владимир не спешил креститься. «Подожду еще немного», – говорил он. Действительно, легко ли ему было отречься от вольной жизни язычника и расстаться с любимым гаремом в Берестове и еще двумя – в Вышгороде да в Белгороде? Ясно, что крещение Владимира было прежде всего делом политическим, обусловленным соображениями прагматической выгоды закоренелого язычника, а не следствием некоего божественного просветления. Дело в том, что накануне этих событий византийский император Василий II нанял Владимира с войском для подавления мятежа, вспыхнувшего в Малой Азии. Владимир поставил условие – он поможет императору, если за него выдадут сестру императора Анну. Сначала император согласился. Русы помогли византийцам подавить мятеж, но слово, данное Владимиру, Василий II нарушил и сестру-христианку за него не выдал. Тогда Владимир захватил богатый византийский город в Крыму – Херсонес и вновь посватался к Анне, предлагая город уже как выкуп за невесту. Император на это согласился, однако потребовал, чтобы сам князь крестился. Во время крещения князя в 987 г. в храме Херсонеса якобы произошло чудо – у Владимира исчезла начавшаяся до этого слепота. В этом прозрении все увидели знак Божий, подтверждение правильности выбора. В 989 г. прибыла Анна, Владимир с ней обвенчался и с богатой добычей отправился в Киев.

Он привез с собой не только жену-гречанку, но и священные мощи, и попов из Корсуня (Херсонеса). Владимир вначале окрестил своих сыновей, близких и слуг. Потом он взялся за народ. Всех идолов скинули с капищ, сожгли, порубили, а Перуна, протаскивая по городу, бросили в Днепр. Киевляне, глядя на поругание святынь, плакали. По улицам ходили греческие священники и убеждали людей принять крещение. Одни киевляне делали это с радостью, другим было все равно, третьи же не хотели отречься от веры отцов. И тогда Владимир понял, что добром веры новой здесь не примут, и прибег к насилию. Он приказал огласить в Киеве указ, чтобы все язычники завтра же явились для крещения на берег реки, а кто не явится, будет считаться врагом князя. Утром раздетых киевлян загнали в воду и скопом окрестили. Насколько истинно подобное обращение, никого не интересовало. В оправдание своей слабости люди говорили, что негодную веру вряд ли приняли бы сами бояре и князь – ведь плохого они себе никогда не пожелают! Тем не менее позже в городе вспыхнуло восстание недовольных новой верой.

На месте капищ сразу же стали строить церкви, чтобы, как издавна говорили на Руси, свято место пустым не оставалось. На капище Перуна возвели церковь Св. Василия – ведь сам Владимир принял при крещении христианское имя Василий. Все церкви были деревянными, только главный храм – Успенский собор – греческие мастера построили из камня. Владимир пожертвовал на Успенский собор десятую долю от своих доходов. Поэтому церковь называлась Десятинной. Она погибла в 1240 г. вместе с городом, взятым монголо-татарами. Первым митрополитом был грек Фиофилакт. Ему наследовал митрополит Иоанн I, от времени которого сохранилась печать с надписью «Иоанн, митрополит Руси».

Крещение населения других городов и земель также сопровождалось насилием. На Западе чаще было не так. Под воздействием первых христиан народы, поклонявшиеся ранее языческим богам, крестились в массовом порядке по доброй воле, а их правители зачастую последними принимали широко распространенную в народе христианскую веру. На Руси христианином стал вначале правитель, а потом уже упорствующий в своем язычестве народ. Когда в Новгород в 989 г. прибыл боярин князя Владимира Добрыня с епископом Иоакимом Корсунянином, то ни уговоры, ни угрозы не помогали. Новгородцы во главе с волхвом Соловьем твердо стояли за старых богов и в ярости даже уничтожили уже давно построенную единственную церковь. Только после неудачного сражения с дружиной Путяты – подручного Добрыни – и угрозы поджечь город новгородцы одумались: полезли в Волхов креститься. Упрямых же волокли в воду силой и потом проверяли, носят ли они кресты. Впоследствии родилась пословица: «Путята крестил мечом, а Добрыня – огнем». Каменного Перуна утопили в Волхове, но веру в могущество старых богов тем самым не уничтожили. Им тайно молились, приносили жертвы, и еще много веков спустя после прихода киевских «крестителей», садясь в лодку, новгородец бросал в воду монетку – жертву Перуну, чтоб часом не утопил.

Но постепенно христианство внедрялось на Руси. Этому в немалой степени способствовали болгары – славяне, принявшие христианство раньше. Болгарские священники и книжники приезжали на Русь и несли с собой христианство на понятном славянском языке. Так Болгария стала неким мостиком между греческой, византийской и русско-славянской культурой. Из Болгарии на Русь пришла русская письменность, усовершенствованная Кириллом и Мефодием. Благодаря им на Руси появились первые книги, зародилась русская книжная культура.

Владимир Красно Солнышко

То обстоятельство, что Владимир был сыном рабыни, ставило его с самого детства в неравное положение с братьями – ведь они-то происходили от знатных, свободных матерей. Сознание своей неполноценности пробуждало у юноши желание утвердить себя в глазах людей силой, умом, решительными поступками, которые бы все запомнили. Примечательно, что самым верным человеком князя, как тень сопровождавшим Владимира в походах, был его дядя, родной брат Малуши, Добрыня, ставший в русском фольклоре знаменитым былинным героем. При этом, борясь с кочевниками, совершая походы на соседей, сам Владимир не выказывал особой удали и не слыл таким воинственным и грозным витязем, как его отец или дед. Во время одного из сражений с печенегами Владимир бежал с поля боя и, спасая свою жизнь, залез под мост. Трудно представить себе в столь унижительном положении его деда – покорителя Царьграда князя Игоря или отца – Святослава-барса.

Долго правил Владимир христианской Русью. Летописи создают образ князя как законченного язычника, который, приняв христианство, сразу же стал образцовым христианином. В язычестве он был развратен, бесчестен, став же православным, резко изменился, принялся творить добро. В целом в фольклоре он не запомнился как грозный, фанатичный и жестокий крестоносец. Видимо, сам бывший жизнелюбивый язычник особенно не упорствовал в распространении веры, и люди любили Владимира, прозвали его Красным Солнышком. Как правитель он славился щедростью, был незлопамятным, покладистым, правил гуманно, умело обороняя страну от врагов. Любил князь и свою дружину, советы (дума) с которой за частыми и обильными пирами были у него в обычае. Как-то раз, услышав ропот пирующих дружинников, что едят они не серебряными, а деревянными ложками, Владимир тотчас приказал делать для них серебряных ложек. При этом он не тужил о потере своего серебряного запаса: «Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиной добуду золото и серебро».

Владимир умер в своем подгородном замке Берестове 15 июля 1015 г., и, узнав об этом, толпы народа устремились к церкви оплакивать доброго князя, своего заступника. Тело Владимира перевезли в Киев и похоронили в мраморном гробу. При этом киевляне были встревожены – после Владимира осталось в живых 12 из его 16 сыновей, и борьба между ними для всех казалась неизбежной.

1015 – Убийство князей Бориса и Глеба

Уже при жизни Владимира братья, посаженные отцом по основным русским землям, жили недружно, а Ярослав, сын Рогнеды, сидевший в Новгороде, даже отказался везти в Киев обычную дань. Владимир хотел наказать отступника, собрался в поход на Новгород. Ярослав же для сопротивления отцу срочно нанял варяжскую дружину. Но тут Владимир умер – и поход на Новгород не состоялся. Сразу же после смерти Владимира власть в Киеве взял его старший сын – Святополк Владимирович. Почему-то его не любили киевляне, свое сердце они отдавали другому сыну Владимира – Борису. Его матерью была болгарка, а к моменту смерти Владимира Борису было 25 лет. Он сидел на княжестве в Ростове и в момент смерти отца шел по его поручению с дружиной на печенегов. Заняв стол отца, Святополк решил избавиться от Бориса. В принципе, действительно Борис был потенциально опасен для Святополка. Ведь в то время Борис находился в походе с боевой дружиной и, пользуясь поддержкой киевлян, мог захватить Киев. Но Борис решил иначе: «Не подниму руки на брата своего старшего». Однако христианское смирение почти никогда не приносит политику успеха. Святополк подослал к брату убийц, которые настигли Бориса на берегу реки Альмы. Зная, что убийцы стоят у шатра, Борис горячо помолился и лег в постель, т. е. сознательно пошел на мученическую смерть. В последний момент, когда убийцы стали протыкать княжеский шатер копьями, его слуга-венгр Георгий пытался спасти господина, закрыв его телом. Юношу убили, а раненого Бориса прикончили уже потом. Заодно убитых ограбили. Чтобы снять с шеи Георгия золотую гривну – подарок Бориса, злодеи отрезали юноше голову.

Вызванный из Мурома в Киев младший брат Бориса, Глеб, узнал от сестры Предславы, что Борис убит, но все-таки продолжил путь. Окруженный под Смоленском убийцами Святополка, он, как и брат, не сопротивлялся им и погиб: его зарезал повар Торчин. Глеб вместе с Борисом за свое христианское смирение стали первыми русскими святыми. Ведь не каждый убитый русский князь – мученик! С тех пор братья-князья почитаются заступниками Русской земли. Впрочем, есть версия, что истинным вдохновителем убийства братьев был не Святополк, а Ярослав, который, как и брат, тоже жаждал власти в Киеве.

Правление Ярослава Мудрого

Киевляне считали виновником гибели Бориса и Глеба князя Святополка, получившего прозвище Окаянный. В борьбу за Киевский златостол (так называли в былинах киевский трон) ввязался Ярослав. В 1016 г. он пришел к Киеву с тысячей нанятых им варягов, а также новгородской дружиной. Киевляне хорошо его встретили, а Святополку Окаянному пришлось бежать из столицы. Впрочем, он не отчаивался. Вскоре Святополк тоже привел своих наемников – поляков, и они, победив дружину Ярослава в сражении 1018 г., выгнали того из Киева. Ярослав не остался в долгу – вновь нанял варяжскую дружину, хорошо заплатил им, и варяги в битве при Альме (на том месте, где был убит Борис) в 1019 г. разбили Святополка, окончательно утвердив Киев за Ярославом. Прямо на месте битвы Святополка разбил паралич (вероятно, от страшного нервного потрясения), и вскоре он умер, и из могилы его, с удовлетворением отмечал беспощадный к Святополку летописец, «исходит смрад ужасен».

Но едва Ярослав, как сказано в летописи, «утер пот с дружиною своею, показав победу и труд велик», как войной на него пошел другой его брат – Мстислав Удалой из Тмутаракани. В отличие от хромого и щедедушного Ярослава Мстислав был «могуч телом, красив лицом, с большими глазами, храбр на ратях». Имя его стало знаменитым после победы в личном поединке над вождем касогов (адыгов) Редедей, причем противники сражались не на мечях или копьях, а боролись врукопашную. И только бросив противника на землю, Мстислав достал свой нож и добил его. В 1024 г. войско Мстислава победило дружину Ярослава. Предводитель варягов Якун, обратившись в постыдное бегство, потерял свой знаменитый вытканый золотом плащ, в котором он привык, красуясь на виду у всех, идти в бой. Ярослав вновь бежал в Новгород и опять, как в прежние годы, послал нанимать в Скандинавии дружину – единственную свою опору в затянувшейся усобице.

Впрочем, победив Ярослава, Мстислав не сел на Киевский златостол, а предложил Ярославу разделить владения: земли по левому берегу Днепра оставить ему, Мстиславу, а Правобережье отдать Ярославу. Ярослав согласился на условия брата. Так на Руси появилось два правителя – Ярослав и Мстислав Владимировичи, и наступил наконец мир. В летописи появилась редчайшая в неспокойной русской истории запись: «В год 6537 (т. е. 1029. – Е. А.) мирно было». Двоевластие сохранялось 10 лет. Когда в 1036 г. Мстислав умер, Ярослав стал править уже всей Русью.

Князь Ярослав много строил. При нем на новых каменных воротах Киева засияли золотые купола надвратных церквей. Ярослав возвел город на Волге, получивший его имя (Ярославль), а также основал город Юрьев в Прибалтике (имя Ярослава при крещении – Юрий), ныне Тарту. Главный храм Древней Руси – Софийский собор в Киеве – был также построен Ярославом в 1037 г. Он был огромен – имел 13 куполов, галереи, был украшен богатыми фресками и мозаиками. Удивление людей вызывали мозаичный пол с узорами, мраморный алтарь. Византийские художники, помимо святых, изобразили с помощью мозаики на стене собора семью Ярослава. Среди многих великолепных византийских мозаик Софийского собора до сих пор в алтаре храма сохранилось знаменитое изображение «Нерушимое стено», или «Оранта», – Богородица с воздетыми руками. Созданное византийскими мастерами, это произведение потрясает каждого, кто его увидит. Верующим кажется, что со времен Ярослава, вот уже почти тысячу лет, Богородица, как стена, нерушимо стоит во весь рост в золотом сиянии неба, подняв руки, молится за нас и заслоняет собой Русь.

Ярослав, в отличие от своего отца Владимира, был человеком набожным («попов любил немало»), строил храмы в Киеве и других городах. При нем учредили новые епархии, избрали первого митрополита, русского родом. Его звали Иларион. Еще будучи монахом, он создал «Слово о Законе и Благодати» – одно из первых русских публицистических произведений. В 1051 г. Иларион на месте первого поселения монахов, в небольших пещерах на лесистом склоне горы над Днепром, основал Печерский монастырь (будущая Киево-Печерская лавра). При Ярославе появился и первый писанный закон, Русская Правда или «Древнейшая правда», – свод первых русских установлений, изложенных на пергаменте. В нем учтены судебные обычаи и традиции Руси – так называемый «закон Русский», которым руководствовался князь при разборе судебных дел. Одним из судебных обычаев являлся «Божий суд» – испытание огнем, когда невиновность человека испытывалась с помощью раскаленного куска железа. Считалось, что у невиновного ожоги на руке заживали быстрее, чем у виновного. Этим законом просвещенный князь ограничил кровную месть, заменил ее штрафом (вирой). Русская Правда на многие столетия стала основой законодательства России, заложила фундамент русского права.

Когда в 1054 г. Ярослав умер, его похоронили в столь любимом им Софийском соборе, в беломраморном саркофаге, сохранившемся (к сожалению, без праха покойного) до наших дней.

Ярослав Мудрый и его недружные сыновья и внуки

Ярослав известен в истории не только как создатель Софийского собора, основатель множества церквей и городов, но и как книжник. Недаром его называли Мудрым, т. е. ученым, умным, образованным. Этот болезненный, хромо́й от рождения человек любил и собирал книги, которые монахи переводили для него с греческого и переписывали в особой мастерской. Летописец с уважением писал о нем как о правителе, который читал книги «часто и ночью, и днем». Русь Ярослава с Европой связывали не только торговые, культурные отношения, но и родственные узы правителей. Сам Ярослав женился на Ингигерде, дочери шведского короля Олафа. Своего сына Всеволода он женил на Марии – дочери византийского императора Константина Мономаха, сына Изяслава – на дочери польского короля Гертруде. Сын Святослав стал мужем Оды – дочери германского графа. Сразу три дочери Ярослава вышли замуж за европейских монархов. Елизавета была выдана за короля Норвегии и Дании, Анастасия – за венгерского герцога Андрея, который с помощью Ярослава занял королевский престол в Венгрии. Анастасия родила двух сыновей – Соломона (Шаламона) и Давида. После гибели мужа дочь Ярослава правила Венгрией при малолетнем короле Шаламоне. Наконец, более других известна Анна Ярославна, ставшая французской королевой, выйдя в 1049 г. замуж за Генриха I. После смерти мужа в 1060 г. она стала регентшей Франции при 7-летнем сыне Филиппе I.

После смерти Ярослава, как и раньше, после кончины его отца Владимира, на Руси воцарились раздор и усобицы. Как писал Н. М. Карамзин: «Древняя Россия погребла с Ярославом свое могущество и благоденствие». Но это произошло не сразу. Из пятерых сыновей Ярослава (Ярославичей) отца пережили трое: Изяслав, Святослав и Всеволод. Умирая, Ярослав утвердил порядок престолонаследия, по которому власть переходит от старшего брата к младшему. Поначалу дети Ярослава так и поступили: златостол достался старшему из них, Изяславу Ярославичу, а Святослав и Всеволод ему подчинились. Они жили с ним дружно целых 15 лет, вместе даже дополнили «Правду Ярослава» новыми статьями, уделив главное внимание повышению штрафов за покушение на княжескую собственность. Так появилась «Правда Ярославичей».

Но в 1068 г. мир был нарушен. Русское войско Ярославичей потерпело тяжкое поражение от половцев. Недовольные ими киевляне изгнали из города великого князя Изяслава и его брата Всеволода, разграбили княжеский дворец и объявили правителем выпущенного из киевской тюрьмы полоцкого князя Всеслава – его во время похода на Полоцк схватили и привезли как пленника в Киев Ярославичи. Всеслава летописец считал кровожадным и злым. Он писал, что жестокость Всеслава происходила от влияния некоего амулета – волшебной повязки, которую он носил на своей голове, прикрывая ею незаживающую язву. Изгнанный из Киева великий князь Изяслав бежал в Польшу, прихватив княжеские богатства со словами: «Этим я найду воинов», имея в виду наемников. И вскоре он действительно появился у стен Киева с наемным польским войском и быстро вернул себе власть в Киеве. Всеслав же, не оказав сопротивления, бежал домой, в Полоцк.

После бегства Всеслава началась борьба уже внутри клана Ярославичей, забывших заповеди своего отца. Младшие братья Святослав и Всеволод свергли старшего Изяслава, который вновь бежал в Польшу, а потом в Германию, где никак не мог найти помощи. Великим князем в Киеве стал средний брат Святослав Ярославич. Но век его оказался недолог. Деятельный и агрессивный, он много воевал, имел безмерные амбиции, а умер от ножа хирурга-неумехи, который в 1076 г. пытался вырезать у князя какую-то опухоль.

Пришедший после него к власти младший брат Всеволод Ярославич, женатый на дочери византийского императора, был человеком богобоязненным и кротким. Он тоже правил недолго и простодушно уступил трон вернувшемуся из Германии Изяславу. Но тому хронически не везло: князь Изяслав погиб на Нежатиной Ниве под Черниговом в 1078 г. в сражении с племянником – сыном Святослава Олегом, который сам хотел занять трон отца. Копье пронзило его спину, следовательно, или он бежал, или, скорее всего, кто-то нанес князю предательский удар сзади. Летописец сообщает нам, что Изяслав был мужчина видный, с приятным лицом, имел довольно тихий нрав, был мягкосердечен. Первым его делом на Киевском столе стала отмена смертной казни, замененной вирой – денежным штрафом. Мягкосердие его стало, по-видимому, и причиной его злоключений: Изяслав Ярославич все время жаждал престола, но не был достаточно жесток, чтобы утвердиться на нем.

В итоге Киевский златостол вновь отошел к младшему сыну Ярослава Всеволоду, который правил до 1093 г. Образованный, наделенный умом, великий князь владел пятью языками, но страной управлял плохо, не сумев справиться ни с половцами, ни с голодом, ни с мором, опустошившим Киев и окрестные земли. На великолепном Киевском столе он остался скромным удельным князем Переяславским, каким его сделал в юности великий отец Ярослав Мудрый. Не удавалось ему навести порядок и в собственной семье. Подросшие сыновья его родных и двоюродных братьев отчаянно ссорились из-за власти, непрерывно воюя друг с другом из-за земель. Для них слово дяди – великого князя Всеволода Ярославича – уже ничего не значило.

Усобища на Руси, то тлея, то вспыхивая войной, продолжались. Интриги и убийства стали обычными в княжеской среде. Так, осенью 1086 г. племянник великого князя Ярополк Изяславич во время похода был внезапно убит своим слугой, который нанес господину удар ножом в бок. Причина злодейства неизвестна, но, скорее всего, в основе была распря из-за земель Ярополка с его родственниками – Ростиславичами, сидевшими в Перемышле. Единственной надеждой князя Всеволода оставался его любимый сын Владимир Мономах.

Правление Изяслава и Всеволода, распри их родственников происходили в то время, когда впервые из степей пришел новый враг – половцы (тюрки), которые изгнали печенегов и начали почти непрерывно нападать на Русь. В 1068 г. в ночном сражении они разбили княжеские полки Изяслава и принялись дерзко грабить русские земли. С тех пор не проходило и года без половецких набегов. Их орды доходили до Киева, и один раз половцы сожгли знаменитый княжеский дворец в Берестове. Враждующие друг с другом русские князья ради власти и богатых уделов вступали в соглашения с половцами и приводили их орды на Русь.

Особенно трагичен оказался июль 1093 г., когда половцы на берегу речки Стугны разбили объединенную дружину русских князей, которые действовали недружно. Поражение было страшным: вся Стугна была забита трупами русских воинов, а поле дымилось от крови павших. «Наутро же, 24-го, – пишет летописец, – в день святых мучеников Бориса и Глеба, был плач великий в городе, а не радость, за грехи наши великие и неправды, за умножение беззаконий наших». В тот же год хан Боняк чуть было не захватил Киев и разорил его неприкосновенную раньше святыню – Киево-Печерский монастырь, а также пожег окрестности великого города.

1097 – Любечский съезд

Умирая в 1093 г., Всеволод Ярославич просил поставить гроб его возле гробницы отца – такова была воля Ярослава Мудрого, некогда сказавшего сыну: «Когда Бог пошлет тебе смерть, ложись, где я лягу, у гроба моего, потому что люблю тебя больше братьев твоих». К моменту смерти Всеволода наиболее вероятным кандидатом на Киевский стол считался его сын, черниговский князь Владимир Мономах. Но он не решился занять место отца – уступил Киевский стол своему двоюродному брату Святополку Изяславичу Туровскому. Это решение все одобрили – тогда было принято передавать власть «горизонтально» – от старшего брата к младшему, а не «вертикально» – от отца к сыну. Поэтому сын старшего Ярославича Изяслава Святополк стоял «выше» Владимира Мономаха – сына младшего из Ярославичей Всеволода. Мономах с этим считался, хотя отношения со Святополком Изяславичем у него сложились тяжелые.

Став киевским князем и испытывая постоянную угрозу из степей, Святополк пытался вести гибкую политику: он женился на дочери половецкого князя Тугоркана, боролся с половцами не только оружием, но и стремился договориться с ними, особенно после памятного поражения русских войск на Стугне. По этому пути шли потом и другие русские князья, особенно те, кто жил в пограничных с половцами княжествах и опасался их набегов или мечтал с помощью половецкой силы захватить побольше земель, а быть может, и сесть на Киевский златостол. Видя постоянное «нелюбие» и раздоры князей, Владимир Мономах предложил всем князьям собраться вместе, обсудить взаимные претензии и покончить с постоянными распрями.

Все согласились, и в 1097 г., на берегу Днепра, неподалеку от княжеского замка Любеч, на расстеленном в поле ковре, т. е. на нейтральной территории, русские князья встретились. Это были двоюродные братья (внуки Ярослава) – великий князь Святополк Изяславич и удельные князья – Владимир Всеволодович Мономах, а также Олег Святославич по прозвищу Гориславич, его братья Давыд и Ярослав Святославичи, Давыд Игоревич (сын Игоря Ярославича). Были тут также Василько и Володарь Ростиславичи – дети покойного Ростислава Владимировича, осевшие на Волыни. На этом съезде князья поделили между собой земли и торжественно целовали крест в соблюдение этого договора: «Да будет земля Русская общим... отечеством, а кто восстанет на брата, на того мы все восстанем». После того как они мирно расстались, произошло злодейство: князь Святополк по наущению Давыда Игоревича и его бояр заманил в Киев князя Василько и приказал ослепить его. Летописец утверждает, что Давыд обогал Василько перед великим князем, обвинив его в намерении захватить власть. Но более вероятно другая причина вероломства Святополка – он хотел прибрать к рукам богатые волынские земли Ростиславичей. Как бы то ни было, расправа с одним из близких родственников сразу же после мирной семейной встречи у Любеча возмутила всех князей. Они вынудили великого князя Святополка признать вину и дать слово наказать клеветника Давыда. Но было уже поздно – в семье князей вновь воцарились недоверие и злоба.

Князь Олег Гориславич

Одним из постоянных претендентов на киевское княжение считался знаменитый Олег Святославич, прозванный Гориславичем. Этот сын великого князя Святослава Ярославича сыграл особую и печальную роль в истории усобиц и распрей на Руси. Он прожил полную приключений и авантюр жизнь (ум. в 1115 г.). После смерти отца Святослава он бежал из Киева в Тмутаракань, которой долго правил как самостоятельный владетель, даже чеканил там свою монету. Не раз Олег совершал походы на Русь вместе с половцами («наводил поганых на землю Русскую»). Среди совсем не кротких Рюриковичей у него была плохая репутация. По-видимому, князь обладал скверным, сварливым, неуживчивым характером. Не случайно его, приносящего всем только беды и горе, и прозвали Гориславичем.

В «Слове о полку Игореве» об Олеге сказано: «Той бо Олег мечом крамолу коваше / И стрелы по земле сеяше». Честолюбивый и неутомимый Олег долго не хотел мира с родичами и в 1096 г. в борьбе за уделы убил сына Владимира Мономаха – Изяслава, но вскоре и его самого разбил Мстислав, другой сын Мономаха. Только после этого Гориславич согласился приехать на Любечский съезд, куда его долго по-хорошему звали Мономах и другие князья.

Владимир Мономах на Киевском златостоле

Великий князь Святополк умер весной 1113 г. Тотчас в Киеве начался мятеж против ростовщиков, бравших с должников огромные проценты и пользовавшихся покровительством покойного князя. Восставшие горожане направились в центр города, где жили бояре и стоял храм Святой Софии. Толпа разгромила дворы выборного главы города – тысяцкого Путяты, а также дома ростовщиков-евреев, их синагогу, а потом устремилась к княжескому двору и Печерскому монастырю. Перепуганные власти срочно призвали в город Мономаха: «Пойди, князь, на стол отчий и дедов». Мономах взял власть в Киеве и, чтобы успокоить людей, ввел особый «Устав Владимира Мономаха», снизивший процент по долгу со 100–200 до 20 %.

Итак, на великокняжеский престол Владимир Мономах вступил по приглашению киевских старейшин и при одобрении народа – киевлян. Это вообще характерно для домонгольской Руси. Влияние старейшин, городского веча в городах было значительно большим, чем это

кажется на первый взгляд. Князь, при всем своем могуществе, обычно советовался с дружиной, но имел в виду и мнение городского веча. В сущности, тот вечевой порядок, который долго сохранялся в Новгороде, в домонгольскую эпоху существовал и во множестве других древнерусских городов и даже кое-где еще долго сохранялся после завоевания Руси монголами.

При князе Владимире Мономахе на Руси воцарился мир. Где авторитетом, где «вооруженной рукой», он вынуждал притихнуть удельных князей. Он был человеком своего времени – жестоко расправился с неугодным ему полоцким князем Глебом, как и его предок Святослав Мономах лелеял мечту обосноваться на Дунае, пользуясь слабостью Византии. Даже столетие спустя о нем вспоминали как о сказочном, могучем властелине. Неизвестный автор «Слова о погибели Русской земли» восторженно писал о Мономахе, которого, в отличие от униженных татарами князей XIII в. – современников автора, все боялись и уважали: «...половцы своих малых детей (именем его. – Е. А.) пугали. А литовцы из болот своих на свет не показывались, а венгры укрепляли каменные стены своих городов железными воротами, чтобы их великий Владимир не покорил, а немцы радовались, что они далеко – за синим морем».

Мономах прославился как мужественный воин, не раз смотревший в глаза смерти. Еще во время своего удельного княжения в пограничной Переяславской земле он организовал несколько походов русских князей на половцев. Не все эти походы заканчивались удачно. В 1093 г. в упомянутом выше сражении на реке Стугне Мономах видел, как погиб в речных волнах его младший брат Ростислав. Через 10 лет, когда Мономах стал великим князем, сражение близ урочища Сутень (Приазовье) принесло победу русским. Решающая битва произошла в 1111 г. Тогда русские войска пришли в степь под хоругвями крестового похода и на берегу притока Дона – реки Сольницы – разгромили основные силы половцев. После этого опасность половецких набегов на Русь значительно ослабла. Впрочем, Мономах оставался умелым, гибким политиком: силой подавляя непримиримых ханов, он дружил с миролюбивыми половцами и даже женил одного из своих сыновей Юрия (Долгорукого) на дочери союзного половецкого хана Боняка.

1113 – Появление «Повести временных лет»

Летописи в Киеве начали писать еще во времена Ольги и Святослава. При Ярославе в 1037–1039 гг. местом, где работали хронисты-монахи, стал Софийский собор. Они брали старые летописи и сводили их в новую редакцию, которую дополняли своими записями. Затем летопись стали вести монахи Печерского монастыря. В 1072–1073 гг. появилась еще одна редакция летописного свода. Игумен монастыря Никон собрал и включил в нее новые источники, проверил даты, выправил стиль. Наконец, в 1113 г. летописец Нестор, монах того же монастыря, создал знаменитый свод «Повесть временных лет». Она остается основным источником по истории Древней Руси.

Нетленное тело великого летописца Нестора покоится в подземелье Киево-Печерской лавры, и за стеклом его гроба и ныне можно видеть пальцы правой руки – той самой, которая писала для нас древнейшую историю Руси.

Владимир Мономах

Владимир Мономах имел славное родословие: он был внуком Ярослава Мудрого, а по материнской линии – внуком византийского императора Константина Мономаха. В честь его Владимир принял прозвище Мономах. Он стал одним из немногих русских князей, думавших о единении Руси, о борьбе с половцами и мире среди родичей. Мономах был образованным человеком философского склада ума, обладал даром писателя. Он пришел к высшей власти уже к старости, в 60 лет. Это был рыжеволосый, кудрявый человек с окладистой бородой. Сильный, отважный воин, он побывал в десятках походов, не раз смотрел в глаза смерти в бою и на охоте. Он писал: «Два тура (диких быка. – Е. А.) метали меня рогами вместе с конем, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал; вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил мне на бедра и коня со мною опрокинул. И Бог сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову дважды себе разбивал, и руки, и ноги свои повреждал».

Мономах много размышлял о тщете человеческой жизни. «А что мы такое, люди грешные и худые? – писал он как-то Олегу Гориславичу. – Сегодня живы, а завтра мертвы, сегодня в славе и чести, а завтра в гробу и забыты». Князь стремился, чтобы опыт его долгой и трудной жизни не пропал втуне, чтобы сыновья его и потомки помнили его добрые дела. Поэтому Владимир и написал свое знаменитое «Поучение», которое содержит воспоминания о прожитых годах, о хитросплетениях политики, рассказы о вечных разъездах и сражениях. Вот советы Мономаха: «Что надлежит делать отроку моему, то сам делал – на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и стужу, не давая себе покоя. На посадников не полагаясь, ни на бирючей, сам делал, что было надо». Только опытный воин может сказать такие слова: «На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте и ночью, расставив стражу со всех сторон, возле воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености». И далее следуют слова, под которыми подпишется каждый: «Человек ведь погибает внезапно».

А вот эти слова обращены ко многим из нас: «Научись, верующий человек, быть благочестию свершителем, научись, по евангельскому слову, “очам управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела”».

Преемники Мономаха у власти. Начало распада Древней Руси

Мономах умер в 1125 г. 72 лет от роду, и эпитафией ему были слова летописца: «Украшенный добрым нравом, славный победами, он не возносился, не величался». Он был счастлив в семейной жизни. Его жена Гита – дочь англосаксонского короля Харольда, потерпевшего поражение при Гастингсе в 1066 г. от Вильгельма Завоевателя, родила ему нескольких сыновей, среди которых выделялся Мстислав, ставший преемником Мономаха.

У Рюриковичей из Киева в те времена были обширные родственные связи со многими европейскими династиями. Мономах выдавал своих дочерей за знатных иностранных женихов из Венгрии, Чехии, Хорватии. Сын Владимира Мстислав был женат на шведской принцессе, которая родила дочь, ставшую впоследствии византийской императрицей, супругой императора Андроника Комнина.

Итак, Киевский златостол занял сын Владимира Мстислав Владимирович, которому тогда было почти 50 лет. Уже при жизни отца он участвовал в управлении государством, отличался мужеством, смелостью, не раз побеждал врага в сражениях. После смерти Владимира Мономаха Мстислав успешно отразил нашествие половцев, а затем расправился с полоцкими князьями, которые с давних времен сопротивлялись власти Ярославичей. Мстислав весьма оригинально избавился от надоевшего ему малоприятного княжеского клана из Полоцка: все плененные полоцкие князья с семьями были посажены на ладьи и... отправлены (сейчас бы сказали – депортированы) навсегда в Византию. Правление Мстислава современники запомнили невиданным по своим страшным последствиям голодом в Новгородской земле в 1128 г.: в то лето улицы города были устланы телами умерших, и впервые за множество лет летописец записал: «Новгород опустел».

Мстислав пользовался авторитетом у князей, на его челе лежал отблеск великой славы Мономаха, однако править Русью ему довелось всего 7 лет. После смерти Мстислава в 1132 г., как писал летописец, «разъдрася вся Русская земля» – начался длительный период раздробленности. Поначалу киевский престол перешел к брату покойного Ярополку Владимировичу. Так пожелали тогда киевляне, опять вмешавшиеся в политическую борьбу у златостола. И почти сразу в семье Мономаховичей началась свара. Братья Ярополка Юрий (Долгорукий) и Андрей Владимировичи столкнулись с Мстиславичами – своими племянниками, детьми покойного Мстислава: князьями Изяславом, Всеволодом и Ростиславом. Обе стороны постоянно прибегали к помощи (далеко не бескорыстной) наемников: половцев, венгров, поляков. Все они грабили города и села и даже позволяли себе ранее не виданную наглость – подъезжать к стенам Киева и пускать в сторону города свои стрелы.

С этого времени начинается и постепенно усиливается распад единого Древнерусского государства. Видя свару в семье Мономаховичей, оживились Ольговичи – Всеволод, Игорь, Святослав, сыновья беспокойного черниговского князя Олега Гориславича. Они тоже заявили о своих претензиях на Киевский стол. На протяжении нескольких десятилетий не стихала борьба Мономаховичей и Ольговичей и их потомков.

В 1139 г. великий князь Ярополк Владимирович умер. С унаследовавшим Киев его братом Вячеславом Владимировичем вступил в борьбу старший из Ольговичей – Всеволод Ольгович. Он победил и вскоре стал киевским князем. Так, наконец, Ольговичи достигли высшей власти. Но после смерти Всеволода в 1146 г. Киевским столом вновь овладели Мономахо-

вичи, причем при весьма драматических обстоятельствах. Дело в том, что, умирая, великий князь Всеволод Ольгович упросил киевлян присягнуть в верности его младшим братьям Игорю и Святославу. Однако горожане, присягнув, данного князю слова все же не сдержали. Они изгнали братьев из Киева и послали за Мономаховичем – Изяславом Мстиславичем, который был старшим сыном покойного великого князя Мстислава. Изгнанный ими Игорь Всеволодович четыре дня скрывался на болотах, но все-таки попал к Изяславу в плен и, избегая бесчестия, постригся в монахи. Однако прожил он недолго: киевляне, опасаясь наказания за клятвопреступление, убили его. К этому времени Киев утратил главенство на Руси. Реальная власть перешла к удельным князьям, многие из которых не могли захватить власть в Киеве, а поэтому жили в своих владениях, не помышляя о большем. Другие, посильнее, еще тянулись к Киеву, мечтали о киевском троне, хотя не каждому из этих мечтателей было суждено даже приблизиться к киевскому златостолу.

Примечательной чертой жизни города стала ведущая роль народного вече, которое собиралось у стен Софии Киевской и решало судьбы города и князей. Все это сопровождалось интригами «сильнейших» бояр, различных «партий» и буйством черни, которую было легко поднять на расправу с неугодными людьми. Так и было в истории с убийством князя Игоря. На отпевании мученика игумен Феодоровской обители Анания воскликнул: «Горе живущим ныне! Горе веку суетному и сердцам жестоким!» Последние слова его, будто в подтверждение их, покрыл внезапный гром среди ясного неба. Впрочем, и последующие века были достойны столь же суровой оценки.

Усиление Владимиро-Суздальского и Галицко-Волынского княжеств

Владимиرو-Суздальская земля еще во времена Ярослава Мудрого называлась Залесьем, являясь глухой языческой окраиной, где бесследно исчезали отважные христианские проповедники. Но постепенно в Залесский край стали переселяться славяне, стремившиеся отдалиться от опасной южной границы с половцами. Здесь текли великие судоходные реки – Волга и Ока, пролегла дорога на Новгород, а также на Ростов и Владимир. Мирная жизнь была в Залесье привычным благом, а не передышкой между войнами, как на юге.

Политическое обособление северо-восточных территорий от Киева произошло уже при сыне Мономаха Юрии Владимировиче (Долгоруком) в 1132–1135 гг. Он давно и надежно устроился во Владимирском княжестве, срубив там города Юрьев-Польской, Дмитров, Переяславль-Залесский, Звенигород. Однако Юрий, сдружившись с Ольговичами, ввязался в борьбу за Киев и оставил свое Залесское княжество. Вообще князь непрерывно «тянул руку» к киевскому наследию из своего далекого Залесья, за что и получил свое прозвище Юрий Долгие Руки. В 1154 г. умер киевский князь Изяслав Мстиславич, и после непродолжительной борьбы Юрий Владимирович, которому было уже за 65 лет, наконец захватил власть в Киеве. Но правил он там всего 2 года. Его отравили на пиру у киевского боярина Петрилы. Летописцы без особой теплоты вспоминают князя Юрия – высокого, толстого человека с маленькими глаз-

ками и кривым носом, «великого любителя жен, сладких пиц и пития», при котором государством заправляли его любимцы. Юрий был женат дважды – на половецкой княжне Аепе (от нее родился сын – князь Андрей Боголюбский) и на дочери императора Византии Мануила Комнина (матери князей Всеволода, Михаила и Василия).

Примерно в те же годы среди русских удельных княжеств стало выделяться Галицко-Волынское княжество. Мягкий климат, плодородные земли, близость к Европе, крупные города – Галич, Владимир-Волынский, Львов, Перемышль – все это делало Галицко-Волынскую землю богатой. Половцы приходили сюда редко, но покоя на этой земле не бывало, ибо люди страдали от непрерывных распрей местных бояр и князей. Особенно обострились отношения князя Ярослава Владимировича Осмомысла (потомок Ярослава Мудрого) с боярами в 1187 г., когда от Ярослава бежала жена Ольга Юрьевна (дочь Долгорукого), оскорбленная тем, что муж предпочитает ей любовницу Настасью. Галицкие бояре решили семейную проблему князя кардинально: схватили и сожгли Настасью, а потом заставили князя помириться с беглой женой. И все же, умирая, Ярослав передал стол не сыну Ольги Владимиру, с которым у него были непростые отношения, а Олегу – сыну своей горячо любимой Настасьи. Поэтому князь Олег носит в истории обидное для мужчины прозвище Настасьич.

Галицкие бояре не подчинились завещанию непутевого Ярослава, прогнали Настасьича и пригласили на стол Владимира Ярославича. Но видно, отец не зря на него гневался – князь оказался выпивохой («любезнив питию многому»), да вскоре пошел по пути своего грешного отца: женился на попадье при живом муже ее, попе. Бояре согнали со стола и этого князя. Владимир бежал в Венгрию, где попал в тюрьму. Сидя под арестом в замке, Владимир Ярославич связал длинную веревку и по ней спустился из окна своего узилища. Он вернулся в Галич, снова сел на стол и княжил там 10 лет до своей смерти в 1199 г. Все, кто слушал оперу А. П. Бородина «Князь Игорь», помнят бравого товарища несчастного Игоря, князя Владимира Галицкого, чей реальный лихой образ явно воодушевил композитора.

После смерти Владимира полновластных галицких бояр «утишил» волынский князь Роман Мстиславич, который присоединил галицкие земли к своим волынским. Тут бояре и застонали – Роман был не чета Владимиру Галицкому. Сын великого воина, князя Мстислава Удалого, он и сам был воином отменным, правителем крутым. По словам летописца, Роман «устремлялся на поганых как лев, сердит же был как рысь и губил землю их как крокодил, и проходил сквозь землю их словно орел, храбр же был как тур». Роман был славен своими подвигами по всей Европе и в 1205 г. погиб в сражении с поляками на Висле.

Еще более славен в истории Древней Руси его сын Даниил Романович (1201–1264). С четырех лет, потеряв отца, он вместе с матерью хлебнул лиха на чужбине, куда им пришлось бежать из родного Галича. А потом он всю свою жизнь не выпускал из рук меч. Это он в 1223 г. так отважно бился с монголо-татарами на злосчастной Калке, что не заметил опасной раны на своем теле. Сражался он потом и с венграми, и с поляками. Не покорившись никому, он стал знаменит в Европе как отважный рыцарь и тем прославил династию галицко-волынских князей. В отличие от своего современника Александра Невского, Даниил оставался решительным, непримиримым противником монголо-татар, сближаясь в борьбе с ними с европейскими государями.

1147 – Первое упоминание Москвы

Первым упоминанием Москвы мы обязаны Юрию Долгорукому, который написал письмо тому самому Святославу Ольговичу, которого выгнали киевляне, убившие его брата Игоря. «Приди ко мне, брате, в Москов», – пригласил Юрий своего союзника с сыном в это безвестное селение среди лесов на границе Суздальской земли. Там 5 апреля 1147 г. «повеле Гюрги устроить обед силен» в честь Ольговичей. Это и есть первое упоминание Москвы в летописи. До тех пор село на Боровицком холме принадлежало суздальскому боярину Кучке, жену которого полюбил Юрий Долгорукий. Кучка прятал свою супругу от князя в Москве. Но туда внезапно нагрянул Юрий и убил Кучку. После этого он огляделся и, «полюбя же вельми место то, заложил град». Примечательно, что накануне встречи Святослав в качестве дара Юрию послал со своим сыном бесценный подарок – прирученного гепарда, лучшего охотника на оленей. Как этот дивный зверь попал на Русь – неизвестно. Впрочем, некоторые историки переводят слово «пардус» как рысь. Сам город Москву (в переводе с угро-финского – «темная вода») Юрий приказал строить на холме среди лесов предположительно в 1146 г., хотя известна и другая дата начала московской стройки – 1156 г., когда Юрий уже сидел на киевском столе.

Судьба Гориславичей

Судьба другого удельного княжества – Черниговско-Северского складывалась иначе, чем судьба Владимиро-Суздальской земли. В Чернигове сидели скандальные потомки Гориславича. Их не любили на Руси, да и они славы ей не прибавляли. Все помнили, что знаменитый своими сварами Олег Гориславич, его сыновья Всеволод и Святослав, а потом и его внуки Святослав Всеволодович и Игорь Святославич Северский постоянно наводили на Русь половцев, с которыми сами то дружили, то ссорились. Так, князь Игорь, сам воин никудышный, хотя и герой «Слова о полку Игореве», вместе с ханами Кончаком и Кобяком добывал для двоюродного брата Святослава Всеволодовича Киевский стол. Однако потом, в 1181 г., потерпев очередное поражение, бежал в одном челне с другом своим ханом Кончаком. Впрочем, вскоре они поссорились и стали воевать, пока снова не помирились. Зато в 1185 г., когда Игорь узнал, что киевский князь Святослав Всеволодович пошел на половцев и добился первых успехов, он поднял своих вассалов словами: «А мы что же, не князья, что ли? Пойдем в поход и себе тоже славы добудем!» Чем закончился этот поход за славой на берегу реки Каяла 11–14 мая 1185 г., мы хорошо знаем из «Слова о полку Игореве»: выйдя к Дону, за пределы Руси, полки русских

князей действовали пассивно, разрозненно и потерпели поражение. Так князь Игорь, против своей воли, прославился на века благодаря «Слову о полку Игореве».

История похода Игоря и других русских князей на половцев, битва при затмении солнца, жестокое поражение, плач жены Игоря Ярославны, глубокая печаль поэта, видевшего усобицу князей и слабость разобщенной Руси, – вот формальный сюжет «Слова». Но истинная причина величия «Слова» – в его поэтичности, высоких художественных достоинствах. История его появления из небытия в начале XIX в. окутана тайной. Подлинник рукописи, найденный известным собирателем графом А. И. Мусиным-Пушкиным, пропал якобы во время московского пожара 1812 г. – осталась только публикация Мусина-Пушкина да копия, сделанная для императрицы Екатерины II. Работа некоторых исследователей с этими источниками привела их к убеждению, что мы имеем дело с талантливой подделкой позднейших времен... Но все равно, каждый раз, покидая Россию, невольно вспоминаешь знаменитые прощальные слова Игоря, в последний раз оглянувшегося через плечо назад: «О Руская земле! уже за шеломянемъ еси (ты уже скрылась за холмом. – Е. А.)!».

После неудачной битвы при Каяле Русь подверглась жестоким набегам половцев. Сам же Игорь жил у Кончака почетным пленником, но потом бежал на Русь. Умер Игорь в 1202 г. князем Черниговским. Его сын Владимир приходился зятем хану Кончаку.

Владими́ро-Сузда́льская Русь (1155–1238)

1155 – Основание Владимиро-Суздальского княжества

В 1155 г., уже после того, как Юрий Долгорукий захватил Киевский стол, его сын, 43-летний Андрей, осмелился пойти против воли отца и не остался при нем в Киеве, а самовольно уехал на родину, в Суздаль, вместе со своей дружиной и домочадцами. Он хотел укрепиться в Залесье, а после смерти отца Юрия в Киеве Андрея Юрьевича во Владимире избрали князем. Он был политиком нового склада. Как и его собратья-князья, он хотел завладеть Киевом, но при этом не рвался на Киевский стол, желая править Русью из своей новой столицы – Владимира. Это стало главной целью его походов на Новгород и Киев, переходивший из рук одних в руки других князей. В 1169 г. князь Андрей, как свирепый завоеватель, подверг Киев безжалостному разгрому.

Когда Андрей бежал от отца из Киева во Владимир, он прихватил с собой из женского монастыря чудотворную икону Богоматери конца XI – начала XII в., написанную византийским иконописцем. Согласно легенде, ее писал евангелист Лука. Кража Андрею удалась, но уже по дороге на Суздаль начались чудеса: Богоматерь явилась князю во сне и повелела везти образ во Владимир. Тот послушался, а на месте, где увидел чудесный сон, потом построил церковь и основал село Боголюбово.

Здесь, в специально построенном каменном замке, примыкавшем к церкви, он часто жил и благодаря этому получил свое прозвище Боголюбский. Икона же Богоматери Владимирской (ее называют также «Богоматерь Умиление» – Дева Мария ласково прижимается щекой к младенцу Христу) стала одной из величайших святынь России.

Князь Андрей Юрьевич сразу же принялся украшать свою новую столицу Владимир дивными храмами. Их строили из белого известняка. Удивительные свойства этого камня (мягкий вначале, он со временем становился очень прочным) позволяли покрыть стены здания сплошными резными узорами. Андрей страстно хотел создать город, превосходящий Киев по

красоте и богатству. Для этого он приглашал иностранных мастеров, жертвовал на сооружение храмов десятую долю своих доходов. Во Владимире (как в Киеве) появились свои Золотые ворота, своя Десятинная церковь, а главный храм, Успенский собор, был даже выше храма Софии Киевской. Итальянские мастера построили его всего за 3 года. В память о рано умершем сыне Андрей повелел возвести церковь Покрова на Нерли.

Этот храм, и поныне стоящий среди полей под бездонным небом, вызывает восхищение и радость у каждого, кто идет к нему издали по тропинке. Именно такого впечатления и добивался неизвестный нам мастер, поставивший в 1165 г. по воле князя Андрея эту стройную, изящную белокаменную церковь на насыпном холме над тихой речкой Нерль, впадающей неподалеку от этого места в Клязьму. Сам холм покрыли белым камнем, и широкие ступени шли от самой воды к вратам храма. Пустынное это место для церкви выбрали не случайно. В разлив – время интенсивного судоходства – церковь оказывалась на острове, служила заметным ориентиром тем, кто плыл, пересекая границу Суздальской земли. Возможно, здесь гости и послы из дальних стран сходили с кораблей, поднимались вверх по белокаменной лестнице, молились в храме, отдыхали на его галерее и потом плыли дальше – туда, где сиял белизной княжеский дворец в Боголюбове, построенный в 1158–1165 гг. А еще дальше, на высоком берегу Клязьмы, как богатырские шеломы, сверкали на солнце золотые купола владимирских соборов.

Князь Андрей Боголюбский

Отважный воин, много раз побеждавший в поединках врагов, князь Андрей славился умом, имел властный и независимый характер. Он был порой суров и даже жесток, не терпел ничьих возражений и советов. Не в пример другим князьям своего времени, Андрей не считался с дружиной, боярами, вел государственные дела по своей воле – «самовластно». Своих сыновей и князей-родичей он рассматривал лишь как инструмент своей воли. Андрей вмешивался в их ссоры не как брат-посредник, а как властный хозяин, разрешающий спор своих родовитых, но все-таки слуг. Как писал он своему ставленнику на Киевском столе, смоленскому князю Роману Ростиславичу: «Не ходишь по моей воле с братьею своею, так уходи же из Киева!» Князь явно опережал свою эпоху – подобные поступки казались внове «домосковским» политикам. Он же первым стал опираться на ближних неродовитых, зависимых от него вооруженных слуг, которых называли «дворянами». От их руки он в конце концов и пал.

К лету 1174 г. самовластный князь сумел настроить против себя многих: бояр, слуг и даже свою собственную жену. Против него сложился заговор. Ночью 28 июня в Боголюбове пьяные заговорщики ворвались к Андрею в спальню и зарезали его. Когда они покинули княжеские покои, то раненый Андрей сумел встать и попытался сойти с лестницы. Убийцы, услышав его стоны, вернулись в спальню и по кровавому следу нашли князя за лестницей. Он сидел и молился. Вначале ему отсекали руку, которой он крестился, а потом уже добились. Убийцы ограбили дворец. В этом им помогала набежавшая толпа – князя Андрея люди ненавидели

за жестокость и откровенно радовались его смерти. Потом убийцы пьянствовали во дворце, а обнаженный, окровавленный труп Андрея долго лежал на огороде, пока его не схоронили.

Правление во Владимире Всеволода Большое Гнездо

После гибели Боголюбского Владимиром 3 года правил Михаил Ростиславич (сын покойного Ростислава Юрьевича, внук Долгорукого). Именно он судил и казнил убийц Андрея Боголюбского. После смерти Михаила владимирцы выбрали в князья его дядю, 23-летнего Всеволода Юрьевича, младшего брата князя Андрея Боголюбского (он был моложе убитого на 42 года!). Ему пришлось утверждать свое право на Владимирский стол в битве с мятежными боярами. Жизнь Всеволода была нелегкой. В течение 8 лет Всеволод с матерью – дочерью византийского императора – и с двумя братьями жил в Византии. Туда их, как в ссылку, отправил Юрий Долгорукий, почему-то невзлюбивший супругу и ее отпрысков. И только в правление брата, Андрея Боголюбского, Всеволод Юрьевич вернулся на Русь, и вот, в 1176 г. стал великим князем Владимирским. А потом наступила благословенная тишина. 36-летнее княжение Всеволода оказалось истинным благом для Владимиро-Суздальской Руси. Продолжая политику Андрея по возвышению Владимира, Всеволод при этом избегал крайностей, считался с дружиной, правил гуманно, его любил народ. По крайней мере, так писали летописцы.

Всеволод получил прозвище Большое Гнездо, потому что имел 10 сыновей и заслужил репутацию заботливого отца: сумел «пристроить» их по разным уделам, где они создали впоследствии целые удельные княжеские династии. Так, от старшего сына, Константина, пошла династия суздальских князей, а от Ярослава – династии московских и тверских князей. Да и собственное «гнездо» – город Владимир Всеволод строил, не жалея сил и денег. Возведенный им белокаменный Дмитриевский собор украшен внутри фресками работы византийских художников, а снаружи – затейливой каменной резьбой с фигурами зверей и растительным орнаментом.

Всеволод был опытным и удачливым военачальником. Он часто ходил в походы со своей дружиной. При нем Владимиро-Суздальское княжество расширилось на север и северо-восток. В 1181 г. он основал Хлынов (Вятку) и Тверь. Дважды Всеволод водил свою дружину усмирять непокорных рязанцев. Ходил он и на Новгород, который то принимал на стол кого-нибудь из его сыновей, то изгонял их. Известен успешный поход Всеволода на Волжскую Булгарию, который (как и многие подобные походы в те времена) откровенно преследовал цель поживиться за счет богатых приволжских соседей. О мощи войска Всеволода ярко сказано в «Слове о полку Игореве»: «Ты можешь Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вылить».

1216 – Сражение при Липице и его последствия

Под конец жизни князь Всеволод Большое Гнездо за какие-то провинности отказал в наследстве старшему сыну Константину Ростовскому и передал Владимирский стол младшему сыну Юрию Всеволодовичу. Это так оскорбило Константина, что он даже не явился на похороны отца и начал войну с Юрием и другим младшим братом – Ярославом. В 1216 г. Константин в союзе с Мстиславом Удалым, новгородцами, смолянами, псковичами и киевлянами пошел войной на Юрия и Ярослава. Так началась настоящая братоубийственная война. Как писал летописец, «страшное было чудо и дивное, братья: пошли сыновья на отца, отцы на детей, брат на брата, рабы на господина, а господин на рабов».

В сражении на реке Липице (под Юрьевым-Польским) 21 июня 1216 г. Юрий и Ярослав потерпели поражение, хотя накануне суздальцы хвастались, смотря на босоногую новгородскую рать: «Да мы их седлами закидаем!» Дело в том, что новгородцы шли в бой пешими, да к тому же полуобнаженными, скинув лишнюю одежду и обувь. Перед боем они восклицали: «Забудем, братья, дома, жен и детей!» Все это напоминало атаку скандинавских рыцарей – берсерков, которые также шли в бой обнаженными и босыми, опьяненные особым наркотическим настоем, притуплявшим страх и боль. Неизвестно, благодаря этому или чему другому, но победа новгородцев оказалась полной.

От всех этих давних событий, казалось бы, ничего не осталось, но неожиданно через шесть столетий люди вспомнили битву при Липице. Дело в том, что во время этого сражения такая необъяснимая паника охватила брата Юрия – князя Ярослава, что он потерял свой золоченый шлем, прискакал в Переславль-Залесский и тотчас приказал запереть ворота и укреплять город. Бывших же в это время в Переславле новгородцев он распорядился заключить в тесной тюрьме, где все они (всего 150 человек) через несколько дней умерли от духоты и жажды... Но потом, узнав о том, что к Переславлю идет Константин с новгородцами, Ярослав перестал «злобиться» и вышел с мольбой навстречу брату. Этот убийца новгородцев и стал отцом знаменитого Александра Невского... А в 1808 г., т. е. почти 600 лет спустя после битвы, шлем князя Ярослава случайно нашел в поле какой-то крестьянин. И теперь он хранится в Оружейной палате.

Согласно ростовскому преданию, в войске Константина в бой против суздальцев шли два богатыря – Добрыня Золотой Пояс и Алеша Попович со своим оруженосцем Топотом. К двум знаменитым богатырям народ в своих былинах прибавил и третьего – Илью Муромца, хотя тот жил во времена Владимира Красно Солнышко. Наверное, поэтому он и выступает в былинах «старинушкой», степенным, немолодым воином. Так появилась знаменитая, увековеченная в былинах и на картине Васнецова лихая русская троица.

Князь Юрий, потеряв при Липице оружие, брони и честь, бежал во Владимир, загнав по дороге трех коней. Горожане, увидев мчащегося к Владимиру всадника, подумали, что это гонец с поля боя мчится обрадовать их доброй вестью о победе, и поэтому, не откладывая в долгий ящик, приступили к празднеству. Но вскоре выяснилось, что это не гонец, а сам голый князь, который тотчас приказал укреплять стены и просил владимирцев не выдавать его врагам. Вскоре его победители-союзники стояли уже у стен Владимира. Юрию пришлось сдаться на милость победителей. Они согнали его с Владимирского стола и дали ему на пропитание малый удел – Городец-Радилов. Великим князем стал Константин Всеволодович, полу-

чивший за мягкость нрава довольно редкое в истории прозвище Добрый. Когда в 1218 г. он умер, опальный князь Юрий Всеволодович вернул себе стол во Владимире – такова была воля Константина, думавшего о благополучной судьбе своих малолетних детей. Правление Юрия, как и его жизнь, трагически оборвалось во время страшного нашествия монголо-татар.

Возвышение и могущество Великого Новгорода

Новгород был «срублен» в IX в. на границе тайги, заселенной угро-финскими племенами. Отсюда новгородцы проникали на северо-восток в поисках пушнины, основывая колонии с центрами – погостами. Сам же Новгород лежал на перекрестке важных торговых путей с Запада на Восток. Это обеспечило ему бурный рост и экономическое процветание. Велик был и политический вес Новгорода – вспомним первых русских князей Олега, Владимира, Ярослава Мудрого, вышедших отсюда на завоевание киевского стола. Тесная связь Новгорода с Киевом стала ослабевать в 1130-е гг., когда в столице началась усобица. И раньше в Новгороде не сложилось своей династии, а теперь выросла власть веча, которое в 1125 г. избрало («посадиша на столе») князя Всеволода Мстиславича. Именно с ним и был впервые заключен договор – «ряд», которым власть князя была ограничена несколькими принципиальными условиями. Когда в 1136 г. князь нарушил ряд, его вместе с женой, тещей и детьми с бесчестьем согнали со стола – «указали путь чист» вон из Новгорода. С этого времени Новгород получил независимость от Киева и фактически превратился в независимую республику. Отныне все приглашенные на новгородский стол князья командовали только войском, и их изгоняли при малейшей попытке посягнуть на власть новгородского народа. Впрочем, иногда новгородцы не приглашали постороннего князя, а по договоренности с великим князем брали в Новгород его сына, юного княжича-отрока, и воспитывали из него послушного республике правителя. Это называлось «вскормить князя». Таким «вскормленным» был князь Мстислав, правивший в Новгороде 30 лет, и горожане им, своим «прирученным» князем, дорожили.

Великий Новгород имел свои святыни кроме Софии Новгородской. Самым знаменитым был Юрьев монастырь. Согласно легенде, этот монастырь, посвященный святому Георгию (Юрию), был основан Ярославом Мудрым в 1030 г. Центр монастыря составляет грандиозный Георгиевский собор, который возвел мастер Петр. Строительство зданий монастыря продолжалось до XVII в. Юрьев монастырь стал главной святой обителью Новгорода, богатой и влиятельной. В усыпальнице Георгиевского собора хоронили новгородских князей и посадников. Игумен Юрьева монастыря почитался не ниже самого новгородского архимандрита.

Особой святостью окружен другой знаменитый новгородский монастырь – Антониев. С ним связана легенда об Антонии, сыне богатого грека, который жил в XII в. в Риме. Он стал отшельником, поселился на камне, на самом берегу моря. 5 сентября 1106 г. начался страшный шторм, и когда он стих, то Антоний, оглядевшись, увидел, что вместе с камнем очутился он в неведомой северной стране. Это был Новгород. Бог дал Антонию понимание славянской речи, а новгородские церковные власти помогли юноше основать на берегу Волхова монастырь, центром которого стал построенный в 1119 г. собор Рождества Богородицы. Князья и цари давали

богатые вклады в этот чудесно возникший монастырь. Много повидала на своем веку эта святая. Иван Грозный в 1571 г. устроил чудовищный разгром монастыря, вырезав всех монахов. Не менее страшны оказались и послереволюционные годы XX в. Но монастырь выжил, и ученые, изучая камень, на котором якобы перенесся на берега Волхова святой Антоний, установили, что это балластный камень древнего беспалубного судна, стоя на котором праведный римский юноша мог вполне добраться от берегов Средиземного моря до Новгорода...

На горе Нередице, недалеко от Городища – места древнейшего поселения славян, стояла церковь Спаса на Нередице – величайший памятник русской культуры. Одноглавая, кубического типа церковь была построена за лето 1198 г. князем Ярославом Владимировичем и внешне походила на многие новгородские церкви той эпохи. Но стоило только войти внутрь здания, как люди испытывали необыкновенное чувство восторга и восхищения, как будто попадая в иной, прекрасный мир. Всю внутреннюю поверхность церкви от пола до купола покрывали великолепные фрески. Сцены Страшного суда, изображения святых, портреты местных князей – эту работу новгородские мастера сделали всего лишь за один (1199) год... и почти на тысячелетие – фрески до XX в. не утратили своей яркости, живости и эмоциональности. Однако в годы Великой Отечественной войны, в 1943 г., церковь со всеми ее фресками погибла – ее расстреляли из пушек. По значимости среди самых горьких, невосполнимых потерь России в XX в. гибель Спаса на Нередице стоит в одном ряду с разрушенными во время войны Петергофом, Царским Селом, снесенными в мирное время московскими церквями и монастырями.

Новгородцы и их вече

Народное собрание (вече) существовало во многих городах Руси, но под воздействием разных обстоятельств вече постепенно исчезало. Не так было в Новгороде. Там вече после отделения от Киева в 1136 г., наоборот, усилилось. Участниками вече считались все свободные горожане. Они сообща решали важные вопросы мира и войны, приглашали и изгоняли князей. Основу новгородской демократии составляли уличанские общины – вечевые сходы отдельных улиц. Они сливались в вече одного из пяти районов – «концов» Новгорода, а потом в общегородское вече, собиравшееся на Торговой стороне у стен Никольского собора. Городское вече состояло из нескольких сотен выборных – «золотых поясов» (драгоценный пояс в древности считался признаком чести и власти). Вече утвердило главный закон государства – Новгородскую судную грамоту, оно же при необходимости выступало высшим городским судом, который мог вынести смертный приговор. Тогда преступников «сажали в воду» – тащили к Волхову и бросали в него связанными. На вече давали грамоты на земли, выбирали посадников и их помощников – тысяцких, а также церковного главу – архиепископа. Ораторы говорили с возвышения – с вечевой «ступени». Решение на вече принималось только единогласно. При этом новгородские концы имели собственные интересы – и на вече возникали серьезные разногласия, споры и даже драки. Вече раздирали и социальные противоречия между новгородской верхушкой – боярами, богатыми купцами, и простолюдинами – «черным народом».

Сила Новгорода определялась не его ополчением, а богатствами, которые новгородцам приносила их торговля и ремесло. Обширная Новгородская земля славилась пушниной, медом, воском. Все это везли в Западную Европу – в Скандинавию, Германию, Францию. Оттуда доставляли на Русь благородные металлы, вина, сукна, оружие. Новгород торговал с Ганзейским союзом немецких торговых городов, новгородские купцы имели свой торговый двор на острове Готланд. В самом Новгороде были открыты так называемые «Немецкий» и «Готский» дворы, в которых немецкие и скандинавские купцы хранили товары и жили, когда приезжали для торговли в Новгород. Много богатства Новгороду приносила и торговля с Востоком – с Волжской Булгарией, куда приходили товары из Средней Азии. Новгородские ладьи по пути «из варяг в греки» доходили до Крыма и Византии. Силен был в Новгороде и ростовщический капитал, новгородцы ссужали деньги под высокие проценты и тем обогащались.

В середине XII в., после освобождения от власти Киева, Новгород стал желанной добычей усилившихся на северо-востоке ростово-суздальских (а потом владими́ро-суздальских) князей. При Андрее Боголюбском началась война с Новгородом. Андрей в свойственной ему решительной манере заявил: «Хочу искати Новгорода и добром, и лихом», намереваясь посадить на новгородский стол своего ставленника. В 1170 г. суздальцы окружили город и пошли на штурм. Обороняющимся удалось отбить четыре их приступа. Во время пятого, как гласит легенда, суздальская стрела попала в икону Богоматери, которую вынес на стену архиепископ. Тут Дева Мария, не выдержав такого надругательства, заплакала, а на суздальцев якобы нашло помрачение, и они набросились друг на друга. В тот раз город выстоял, но князь Андрей все равно вышел победителем в этой войне, использовав экономический рычаг, – ведь хлеб новгородцы получали из Суздальской земли. Отныне на полстолетия борьба с суздальско-владимирскими князьями стала важнейшей внешнеполитической проблемой Новгородской республики. Только в 1216 г. в Липецкой битве новгородцам под предводительством Мстислава Удалого с союзниками (смолянами) удалось победить владимирцев и тем самым устранить угрозу с северо-запада. Как оказалось, лишь на время – до возвышения Москвы.

Своей, особой от Новгорода, жизнью жил его сосед Псков. В XII в. он считался пригородом (пограничным пунктом) Новгорода и во всем следовал его политике. Но после 1136 г., когда новгородцы изгнали князя Всеволода Мстиславича, псковичи пошли им наперекор и приняли изгнанника у себя. Попытки Новгорода усмирить псковичей провалились. И хотя вскоре Всеволод умер, псковичи объявили его святым, а меч его хранили как реликвию. Вече Пскова, которое собиралось в Кромех (кремле), выразило всеобщее желание псковитян отделиться от Новгорода. Тому, скрепя сердце, пришлось на это пойти. Сговорчивыми новгородцев сделали экономика и политика: Новгород нуждался в псковском хлебе, а с начала XIII в. вместе с псковичами им пришлось отбиваться от немцев – ведь Псков первым принимал на себя всякий удар с запада, прикрывая собой Новгород. Но настоящей дружбы между городами никогда не было – во всех внутрирусских конфликтах Псков принимал сторону врагов Новгорода. В конце концов за это Псков, вслед за Новгородом, и поплатился своей свободой.

1951 – Открытие новгородских берестяных грамот

Самым выдающимся открытием русской археологии в XX в. стали новгородские берестяные грамоты. Первая из них была найдена экспедицией А. Арциховского 26 июля 1951 г. во время раскопок в Новгороде. Сейчас обнаружено более 600 берестяных свитков, на которых процарапаны тексты. Древнейшие из грамот относятся ко второй половине XI в., поздние – к середине XV в. Здесь и записки простых новгородцев друг другу, и учебные тетради школьника, и черновики пергаментных грамот и деловых соглашений. Берестяные грамоты позволяют не только изучить жизнь простых новгородцев, но и уточнить данные летописных источников, узнать больше о людях, известных в политической истории Новгорода. А главное – все время теплится надежда, что самые важные открытия еще впереди. У историков, работающих с архивными письменными источниками, таких надежд уже давно нет.

Монголо-татарское нашествие на Русь

Чингис-хан (Темучжин) – сын племенного вождя-неудачника, благодаря своему таланту и удаче стал основателем великой империи монголов и где натиском и мужеством, а где хитростью и обманом сумел истребить или подчинить многих ханов кочевых татарских и монгольских племен. Он провел военную реформу, резко усилившую мощь войска. В 1205 г. на курултае Темучжина провозгласили Чингис-ханом («Великим ханом»). Ему удалось разбить китайские войска, и в 1213 г. монголы взяли Пекин. Тогда же Чингис-хан принял на вооружение многие военные достижения китайцев. Его армия имела непревзойденную кавалерию, совершенные осадные машины, а также прекрасную разведку. Так никем и не побежденный, Чингис-хан умер в 1227 г. После этого монголо-татары начали грандиозное наступление на Запад. В начале 1220-х гг. новые завоеватели ворвались в причерноморские степи и погнали из них половцев. Половецкий хан Котян позвал на помощь русских князей. Он пришел к своему зятю, галицкому князю Мстиславу, и сказал: «Нашу землю отняли сегодня, а вашу завтра возьмут, обороните нас. Если не поможете нам, мы ныне иссечены будем, а вы завтра иссечены будете!» Русские князья, собравшись в Киеве, согласно летописи, долго рядили, пока не пришли к выводу: «Так им, безбожным и злым половцам, и надо, но если мы, братья, им не поможем, то половцы передадутся татарам и их сила будет больше». Весной 1223 г. русская рать выступила в поход. Приход завоевателей из неведомых степей, их жизнь в юртах, странные обычаи, необыкновенная жестокость – все это показалось христианам началом конца света. «В тот год, – записал летописец под 1223 г., – пришли народы, о которых никто не знает точно – кто они и откуда пришли и каков язык их, и какого племени, и что за вера их. И зовут их татарами...»

В сражении на реке Калке 31 мая 1223 г. русские и половецкие полки ожидал страшный, невиданный разгром. Такой «злой сечи», позорного бегства и жестокой резни побежденных Русь еще не знала от своего начала. Победители казнили всех пленных, причем взятых в плен князей – с особой жестокостью: их связали, бросили на землю, а сверху положили настил из

досок и на этом помосте устроили веселый пир победителей, предав тем самым несчастных мучительной смерти от удушья.

Затем Орда двинулась к Киеву, безжалостно убивая всех, кто попадался на глаза. Но вскоре монголо-татары неожиданно повернули назад в степь. «Откуда взялись, не знаем, и куда делись, не ведаем», – записал летописец.

Страшный урок не пошел на пользу Руси – князья по-прежнему враждовали друг с другом. Как писал Н. М. Карамзин, «селения, опустошенные татарами на восточных берегах Днепра, еще дымились в развалинах; отцы, матери, друзья оплакивали убитых, но легкомысленный народ совершенно успокоился, ибо минувшее зло казалось ему последним».

Наступило затишье. Но спустя 12 лет монголо-татары вновь пришли из своих степей. В 1236 г. они под началом любимого внука Чингис-хана, Бату-хана, разгромили Волжскую Булгарию. Ее столица, другие города и села исчезли с лица земли навсегда. Тогда же началась и последняя «охота» монголо-татар на половцев. По всему огромному пространству степей, от Волги до Кавказа и Черного моря, двинулась облава: тысячи всадников цепью охватывали огромные территории в кольцо и начинали его сужать непрерывно, днем и ночью. Всех степняков, оказавшихся внутри кольца, как зверей, жестоко убивали. В этой невиданной облаве погибли половцы, кипчаки и другие степные народы и племена – все поголовно: мужчины, дети, старики, женщины. Как писал проезжавший несколько лет спустя по Половецкой степи французский путешественник Рубрук: «В Комании (земле половцев) мы нашли многочисленные головы и кости мертвых людей, лежащие на земле подобно навозу».

А потом наступил черед Руси. Решение о покорении Руси приняли еще на курултае 1227 г., когда великий хан Угедей поставил перед своим народом цель: «Завладеть странами Булгара, Асов (осетин. – *Е. А.*) и Руси, которые находились по соседству становища Бату, и не были еще покорены, и гордились своей многочисленностью». Поход на Русь в 1237 г. возглавил Бату-хан вместе с 14 потомками Чингиса. Войско составляло 150 тыс. человек. Люди не помнили страшнее зрелища, чем это вторжение степняков. Как пишет летописец, шум был таков, что «от множества войска земля стонала и гудела, а от многочисленности и шума полчищ столбенели дикие звери и хищные животные».

1237 – Гибель Северо-Восточной Руси

На границах Русской земли, точнее, в Рязанском княжестве, врагов встречало войско местного князя Юрия Игоревича. Вначале Юрий послал к Бату своего сына Федора с посольством и дарами, прося оставить в покое Рязанскую землю. Приняв дары, Бату приказал перебить посланников рязанского князя. Потом в «злой и ужасной сечи» князь, его братья, удельные князья, бояре и все «воины удалцы и резвцы рязанские... все как равные пали, все одну чашу смертную испили. Ни один из них не возвратился вспять: все вместе мертвые лежат», – заключает летописец. После этого войска Бату подошли к Рязани и, верные своей тактике, начали непрерывный – днем и ночью – штурм сильных укреплений Рязани. Измотав защитников, 21 декабря 1237 г. враги ворвались в город. На улицах началась резня, а искавшие спасе-

ния в церкви женщины были там заживо сожжены. Страшные следы этой резни (проломленные черепа, иссеченные саблями кости, наконечники стрел, торчащие в позвонках) археологи до сих пор находят на развалинах так и не возродившегося никогда города – современная Рязань возникла уже на новом месте.

Князья не сумели организовать совместную оборону Руси от нашествия. Каждый из них, бессильный против опытного и многочисленного врага, мужественно погибал в одиночку. История сохранила немало подвигов русских воинов вроде Евпатия Коловрата, рязанского богатыря, который собрал уцелевшие остатки рязанских дружин (около 1600 человек) и отважно ударил в тыл уходившему от сожженной Рязани врагу. С большим трудом, закидав русских камнями из метательных орудий, монголо-татары справились с «крепкоруким и дерзким сердцем львояростным Евпатием».

Пример подлинного героизма показал маленький город Козельск, защитники которого за деревянными стенами целых два месяца сопротивлялись завоевателям, а потом все как один погибли в рукопашном бою на стенах и улицах города, названного монголо-татарами «злым». Кровопролитие оказалось таким страшным, что, согласно летописи, 12-летний князь Козельский Василий утонул в потоке крови. Отважно сражались с противником и объединенные русские войска, собравшиеся под Коломной в январе 1238 г. На битву пришли даже новгородцы, чего никогда не случалось раньше, – видно, осознание страшной угрозы дошло и до гордого Новгорода. Но монголо-татары и в этой битве взяли верх, несмотря на то что русским воинам удалось впервые убить одного из Чингизидов – хана Кулькана. После Коломны пала Москва, по льду замерзших рек завоеватели, как страшный селевой поток, устремились к златоглавому Владимиру. Для устрашения защитников столицы монголо-татары вывели под стены города тысячи обнаженных пленных, которых стали жестоко избивать плетью. 7 февраля 1238 г. Владимир пал, семья князя Юрия и множество горожан были заживо сожжены в Успенском соборе. Потом подверглись разгрому почти все города Северо-Востока: Ростов, Углич, Ярославль, Юрьев-Польской, Переславль, Тверь, Кашин, Дмитров и т. д. «И текла кровь христианская как река сильная», – восклицал летописец.

Сохранилось немало примеров героизма и мужества проявленных в тот страшный 1237 год, но есть много горьких историй о бездарной гибели без пользы для страны и ущерба для врага. В марте 1238 г. в сражении против хана Бурундая на реке Сить погиб с дружиной и владимирский князь Юрий Всеволодович. Он пытался оказать сопротивление, но пал жертвой своей неопытности и беспечности. Сторожевая служба в его войске не была организована, полки стояли по удаленным друг от друга деревням. Татары подошли к главному лагерю русских внезапно. Сторожевой отряд, которому полагалось встречать врага на дальних подступах, отправился в поход слишком поздно и неожиданно столкнулся с полками Орды прямо у ворот своего лагеря. Началось сражение, которое было русскими безнадежно проиграно. Отрубленную голову великого князя Юрия враги забрали с собой – обычно кочевники делали из таких трофеев победную чашу. Тех русских пленных, кого монголо-татары не убили сразу, приканчивал холод – мороз в те дни стоял страшный.

5 марта пал тщетно умолявший новгородцев о помощи Торжок, и Бату двинулся, «посекая людей, как траву», на Новгород. Но не дойдя до города ста верст, татары повернули на юг. Все расценили это как чудо, спасшее Новгород, – ведь тогда уже не было морозов, не началось и половодье. Современники считали, что «поганого» Бату остановило видение креста на небе. Но уже ничто не помешало ему перед воротами «матери городов русских» – Киева.

Какие чувства испытывали тогда люди, видя, как гибнет их родина под копытами монгольских коней, хорошо передал автор дошедшего до нас лишь частично произведения «Слово о погибели Русской земли», написанного сразу же после нашествия монголо-татар на Русь. Кажется, что автор писал его своими слезами и кровью – так страдал он от мысли о несчастьи своей родины, так жаль ему было русских людей, Русь, попавшую в страшную «облаву»

неведомых врагов. Прошлое, домонгольское, время кажется ему милым и добрым, а страна вспоминается только цветущей и счастливой. Сердце читателя должно сжаться от печали и любви при словах: «О, светло светлая и украсно украшена, земля Русская! И многими красотою удивлена еси: озера многими удивлена еси, реками и кладязьми (источниками. – Е. А.) месточестными (почитаемыми. – Е. А.), горами, крутыми холми, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверьми, различными птицами, бесчисленными городами великими, селы дивными, винограды (садами. – Е. А.) обителными, дома церковными и князьями грозными, бояры честными, вельможами многими. Всего еси исполнена земля Русская, о правая верная вера хрестиянская!»

Крушение Киевского златостола

Весной 1239 г. Бату двинулся на Южную Русь. Сначала пал Переяславль Южный, а потом в огне погиб Чернигов. Нет слов, чтобы передать масштабы катастрофы этих славных русских городов: цветущий, населенный Переяславль долго потом называли «градом без людей», а сожженный врагом Чернигов достиг своих домонгольских пределов лишь в XVIII в., 500 лет спустя! Такая же судьба ждала и Киев. К моменту прихода монголо-татар он уже утратил свое гордое могущество. В конце XII – начале XIII в. за обладание им шла непрерывная борьба князей. В 1194 г. внук Мономаха князь Рюрик Ростиславич овладел Киевским столом, откуда его в 1202 г. согнал его же зять, упомянутый выше волынский князь, лихой Роман Мстиславич. Рюрику удалось вновь отбить Киев и ограбить его. В 1204 г. Роман решил успокоить буйного тестя оригинальным способом: насильно постриг его в монахи. Тот через год, сбросив рясу, бежал из монастыря и снова силой вернул Киев. При этом ему приходилось отбиваться не только от зятя, но и от других кандидатов на Киевский стол. И эта свистопляска продолжалась до тех пор, пока монголо-татары не поставили свою страшную точку в этой борьбе.

Первые отряды хана Менгу подошли к Киеву в начале 1240 г. Красота великого города поразила врагов, и Менгу направил послов, которые предложили сидевшему тогда в Киеве с 1235 г. князю Михаилу Всеволодовичу сдаться без боя. Тот перебил послов. Монголо-татары отошли в степь, отложив штурм города на другое время. Предоставленной передышкой киевский князь не воспользовался, город не укрепил, а вскоре сам бежал из Киева, изгнанный знаменитым Даниилом Романовичем Галицким.

Когда осенью 1240 г. хан Бату подошел к Днепру, ни великого воина Даниила, ни других русских князей с их дружинами в городе не было – они ушли из Киева в свои княжества. Столица Древней Руси стояла обреченная на гибель. И все же горожане 9 дней отчаянно сопротивлялись врагу. Последние из них погибли во время штурма под обломками рухнувшей от ударов монгольских стенобитных машин Десятинной церкви. Много столетий спустя археологи нашли следы сопротивления и подвига киевлян: останки горожанина, буквально утыканные татарскими стрелами, а также скелет другого человека, который, прикрывая собой ребенка (или женщину), погиб вместе с ним.

Страшная судьба Киева постигла и другие города. «И не было во Владимире (Волынском) никого, кто бы остался жив», – записал летописец. О том, как погибли многие города, нам вообще ничего не известно.

Печальны находки археологов в Волынской и Галицкой землях: утрамбованные временем пепел и уголь страшных пожаров, человеческие скелеты с разрубленными костями да черепа, пробитые большими железными гвоздями...

Бежавшие из Руси от татар несли в Европу страшные вести об ужасах нашествия. Говорили, что при осаде городов татары забрасывают крыши домов жиром убитых ими людей, а потом пускают «греческий огонь», который от этого хорошо горел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.